
ТУЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ

От главного редактора: В настоящем разделе номера «Приокских зорь», тематически посвященного дальней и ближней истории Тулы и Тульской области, мы предоставляем страницы журнала для публикации материалов, написание которых рزانесено во времени на полторы сотни лет. Их авторы: первый историк Тульского края Иван Федорович Афремов (1794—1866) и, пожалуй, наиболее значимый современный исследователь старины, особенно своей малой родины — кафедрального города Белева, член редколлегии нашего журнала, директор Белевского художественно-краеведческого музея, известный исторический писатель Виктор Яковлевич Греков.

Не только время разделяет этих двух, наиболее известных историков тульской земли — городов ее и весей, и не просто историков, а исторических писателей, но их преимущественная тематика. Если основной предмет внимания Афремова — историческое обозрение Тулы и Тульской губернии, включающее историю военную, промышленную, сословную и иерархическую церковную и так далее, особо выделяющую становление и развитие железодельного и оружейного промысла, то у Грекова — это история образования, литературы и духовности, как неперменного атрибута развития края в Новой и Новейшей истории Русского государства. Однако и «точек пересечения» у этих историков предостаточно, прежде всего — это подробные исследования церковной, духовной жизни в рамках Тульской православной епархии.

*И это не удивительно: ведь туляк Афремов и белевец Греков во многом историки и бытописатели своих, кафедральных городов, ибо епархия ранее и сейчас именуется Тульской и Белевской (в последнем названии — через «е», как принято в русской грамматике, а не через совершенно искусственно введенную в русский же алфавит Карамзиным букву «ё», во многом способствовавшей повреждению исконной русской фонетики *...).*

...И еще один существенный момент. Так случилось, что оба исторически наиболее известные города нашего края — первые упоминания о Туле и Белеве, причем о Белеве наиболее достоверные, чуть ли не к одному, 1147 году относятся — не только разделили между собой епархиальную власть, но и поделили приоритеты преимущественных артефактов исторической (для нас, ныне живущих) памяти. Тула известна прежде всего как промышленный город; так всегда в России и говорили, сравнивая два соседних города: Тула мастеровая, а Калуга торговая... Причем и прежде всего как исторически первый военно-промышленный город; только в начале XIX века таковыми стали еще Сестрорецк, Ижевск и Златоуст.

А вот Белев, ныне городок невидный, и без того малая его промышленность в новейшие времена сгнула, так он еще задолго до Ясной Поляны стал литературной Меккой тульского края. Так уж получилось, что многие, громкие в литературе, в искусстве, имена связаны с этим окским городом. И самое громкое из них — Василий Андреевич Жуковский; имение родителей его в селе Мишенском рядом с Белевом. А литературный кружок белевской помещицы Авдотьи Петровны Елагиной, племянницы Жуковского и матери знаменитых братьев Киреевских (Елагина — по вто-

* Это личное мнение автора, впрочем, имеющее достаточные обоснования; см. очерк «Повреждение нравов (реплика грамотея)» в «ПЗ», № 2, 2007.

рому мужу) — Ивана и Петра Васильевичей. И возникло уникальное «славянофильское гнездо» — между Белевом и близким калужским Долбиным. Здесь же и Хомяков... да кто только из русских писателей XIX века не бывал в Белеве? И, заметим, цари и царицы бывали. Но все это надо читать у Грекова, бытописателя Белева.

Но ныне активно работающий в литературном краеведении и исторической романистике Виктор Яковлевич, что называется, на виду. Представлять его читателям «Приокских зорь», редкий номер которых обходится без его произведений, излишне.

А вот о первом тульском историке Иване Федоровиче Афремове немного подробнее, тем более, что его сочинение «История Тульского края» стало и энциклопедией, и наиболее достоверным источником сведений о Туле и Тульской губернии с древних времен до середины XIX века. И вообще здесь ситуация во многом уникальная: все последующие исследования по истории Тулы, включая современные, опираются фактологически и методологически лишь на единственный источник — труд Афремова. Вот и Греков пишет в первой главе своей книги «Тульская епархия»: «...Автор широко освещает предысторию..., немало заимствует из истории Карамзина, так же черпает из сведений И. Ф. Афремова» (с. 4).

Иван Федорович родился в 1794 г. в селе Солоницы — и, опять же, Белевского уезда (!).^{*} Его отец происходил из служилых дворян, был кавалером многих боевых орденов, а мать — сестра известного ученого и писателя В. А. Левшина. Окончил в СПб Морской кадетский корпус, а летом 1812 г. совсем юный мичман лично просил Кутузова отправить его сражаться с французами, но морское министерство перевело его служить в Архангельск, где через семь лет он становится командиром брига, многократно плавает по Балтийскому и Белому морям. Однако вскоре в чине капитан-лейтенанта Афремов уволился с морской службы и поселился на родине.

С 1828 г. служил инспектором в Тульском кадетском корпусе, преподавал математику, артиллерию и фортификацию, был произведен в майоры. С начала 1840-х годов начинает печатать в «Тульских губернских ведомостях» очерки по истории, экономике, географии губернии, дает первое обстоятельное «Описание Куликовской битвы» и плана Куликова поля, изданное отдельной книгой в Москве. А в 1850 году И. А. Афремов издает за свой счет (это он наши славные времена предвосхитил...) первую часть «Исторического обозрения Тульской губернии». За использование в ней цитаты из В. Г. Белинского книгу арестовали и опечатали. Далее запрет все же был снят, и Афремов завершил свой труд — труд на века.

Что же касается участия Афремова в общественной жизни губернии, то достаточно будет упомянуть, что он, наряду с Л. Н. Толстым и И. С. Тургеневым, в предреформенные годы подписал «особое» мнение группы тульских помещиков с требованием освободить крестьян с безусловным наделением их землей. Это о многом говорит. Историк, краевед, астроном-любитель, бывший военный моряк и общественный деятель, — таким был Иван Федорович. А его труд о Тульском оружейном заводе помещен нами ниже.

Далее мы особо не оговариваем, что публикуемые тексты взяты из книг: Афремов И. Ф. История Тульского края (историческое обозрение Тульской губернии). — Тула: Приок. кн. изд-во, 2002. — 256 с., илл.; Греков В. Я. Белев: Очерки об истории кафедрального города. — Тула: Издат. Дом «Пересвет», 2007. — 344 с., илл.; Греков В. Я. История Тульской епархии: Очерки. — Тула: Изд-во «Тульский проспект», 2008. — 236 с., илл.

^{*} Сведения взяты из предисловия А. А. Петухова к современному изданию книги Афремова (библиографию см. ниже).

Иван Афремов

ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД

Началом кузнечества в Туле послужили прииски богатой железной руды, искони добываемой близ Тулы и Дедилова; колыбель же оружейного искусства началась с эпохи московского преобладания и ограждения Тулы дубовой крепостью (острогом) 1509 года, как сказано выше. Царь Федор Иоаннович и знаменитый правитель Борис Федорович Годунов, 1595 года, положили первое основание *Кузнецкой казенной слободы*, даровав тридцати самопальным (ружейным) мастерам землю за Упой, по Алексинской дороге на *Хопре*; равно как «*обельную*» грамоту, с тем однако, чтобы *самопальники* ежегодно вносили по 10 рублей (50 рублей серебром нынешних) во *Владимирский приказ*, заведовавший тогда Тулой,— до сего *самопальники* (ружейники) жили вместе с гражданами на посадах и внутри дубовой крепости (острога).— При царе Михаиле Федоровиче на кузнецкой стороне самопальников было уже 48 дворов, под управлением старосты их Еремея Баташева (предка известных дворян Баташевых).

В благословенное царствование Михаила государство впервые переняло иноземные произведения чугунных и железных воинских орудий: покупавший в России хлеб голландский купец *Виниус* получил дозволение в Тульском уезде устроить железный завод, на старом городище при речке Тулице, в 15 верстах от Тулы.— В царской грамоте, пожалованной Виниусу в 29 день февраля 1632 года, сказано следующими счастливо предвещанными словами: «Дозволити ему, дабы впредь то железное дело было государю прочно и государевой казне прибыльно; а людей государевых ему Виниусу всякому железному делу научать, и никакия ремесла от них не скрывать».— Первый в России иностранный завод этот послужил началом тульскому оружейному искусству. К большому производству работ *городищенского* завода этого приписано было 250 дворов *Саломыковской* волости (см. Алексинского уезда село Заводы).— Чугунная руда большей частью доставлялась сюда из древних *дедиловских* копей, при речке *Олене*, в 5 верстах от Дедилова.— 1639 года Виниус принял к себе товарищей: гамбургца Петра *Марселиуса* и одноземца купца Акему, которые в царствование царя Алексея Михайловича 1652 года основали в Алексинском уезде другие железные заводы: *Саломыковский*, Ведменский, *Елkinский* и оружейный *Немцовский* завод (см. Алексин, уезда село Заводы).— Здесь изделия их имели уже выгодный сплав по реке Скниге в Оку и потом в Москву; сюда выписаны ими были 600 иностранных мастеров, которым главным условием правительства поставлено было обучать тульских самопальников; вследствие чего на *Ченцовский* оружейный завод ежемесячно посылаемы были очередные самопальники тульской Кузнецкой слободы, для обучения заварки стволов, шпажному и замочному делу, что и послужило значительным улучшением оружейного производства в Туле, за 60 лет прежде основания казенного оружейного завода.— Тогда же указом царя Алексея Михайловича тульская Кузнецкая слобода из ведомства Владимирского приказа отдана была в управление Московской оружейной палате, с повелением 121-му самопальнику, кроме выделки железа, выставлять ежегодно по 242 *пицали* (большого размера ружья), а старостам Филиппову и Варлаамову доставлять их в Москву. При этом же государе в Кузнецкой слободы построены были деревянные церкви: первая — св. великомученика Георгия на *Хопре*, усердием священника Иоанна; храм этот 1698 года был уже каменный, перестроенный вновь 1759 года; вторая — св. Николая Чудотворца, усердием священника Григория и брата его Дмитрия; храм этот с 1730 по 1734 год великолепно перестроен был каменным зданием, знаменитым Акинфом Никитичем Демидовым. Царь Федор Алексеевич, указами 1678 и 1679 года, повелел всех из свободного состояния, занимающихся оружейным делом, принимать и водворять в Куз-

нецкую слободу, со всеми дарованными ей правами и льготами. При царевне Софье Алексеевне 194 самопальника выделяли в год 2000 пищалей, под начальством старост своих: Марка Мосолова (предка дворян Мосоловых) и Никиты Орехова. При единодержавии Петра до 1698 года в Кузнецкой слободе поставлена была третья деревянная церковь Вознесения Господня, после пожара 1779 года перестроенная каменным зданием 1787 года, по проекту известного заводского механика, капитана Косьмы Семеновича Сокольников, на иждивение усердных прихожан. Таким образом самопальники Кузнецкой слободы, со времен царя Алексея Михайловича распространившиеся в оседлости своей, первые избытки трудов рук своих принесли на алтари Божий, и Господь утвердил и, видимо, благословил поколение их в Туле. В царствование же Петра 1-го 1704 года в Кузнецкой слободе было уже около 300 дворов и 749 самопальников, при старостах их: Марке Мосолове, Никите Орехове, Владимире Баташеве и Панкрате Горбунове, которые доставляли в Москву ежегодно по восьми тысяч *фузей* (ружей). За каждую *фузею* самопальники получали тогда из тульского таможенного и кружечного двора по 22 алтына и по 2 деньги, то есть 67 копеек серебром. Привозимые в Москву фузеи часто пробовались в личном присутствии самого Петра, и горе тем было, чьи фузеи разрывало от явного нерадения: государь приказывал старостам таких самопальников, по возвращении в Тулу, *«бить сударь на мирском дворе, чтобы и впредь всем не повадно было»*.

Гений преобразователь России положил и первое основание первым оружейным заводам в Туле с вододействующими машинами. Предпринимая *Азовский* поход свой, Петр Великий, с 1694 года, стал часто посещать Воронеж, чтобы устроить там на Дону верфи, для постройки военных плоскодонных судов, вследствие чего, часто проезжая Тулу, ознакомился с городом и обратил мудрое внимание свое к оружейному производству тульских самопальников Кузнецкой слободы.— 1696 года лично узнал государь первого тульского оружейного мастера *Никиту Демидова*, был у него в гостях на домашней фабрике и видел неутомимую деятельность и отличные способности хозяина-мастера.— Гениальный взор Петра остановился на Демидове и тогда же извлек из толпы отличного мастера, предвидя в нем высокую государственную деятельность; всей пылкой душой полюбил Петр своего *Демидыча*, развил в нем огромные идеи промышленности и создал любимца-подданного, понявшего своего великого государя.— Демидов разлил новую жизнь в тульском оружейном производстве и прославился как родоначальник знаменитой фамилии дворян Демидовых, более же благоприобретенным своим колоссальным богатством.— Видимо, Господь благословил полезные отечеству труды Демидова и показал щедрую руку Свою в благодеяниях славного потомства нашего незабвенного согражданина Никиты Демидовича, которым по всей справедливости может гордиться Тула и отечественный край наш. В то же время гениальный гость Тулы осмотрел всю местность города и дозволил Демидову, при впадении Тулицы в Упу, (того же 1696 года) устроить собственный завод с большой плотинной, по примеру *городищенского* (построенного Виниусом 1632 года в 15 верстах выше, на той же речке Тулице в дачах села Торхова; а для добывания чугунной руды государь пожаловал ему несколько десятин земли под *Малиновской* засекой (ныне именуемые *рвы*, по проселочной Крапивинской дороге).— Указом 1701 января 2 дня Петр Великий дозволил Никите Демидову распространить завод свой и поднять плотину во всю ее огромную ширину более 200 сажень. Такое счастливое начинание Демидовского завода, в 15-ть лет времени, оказало счастливые результаты и разлило новую жизнь в тульском оружейном производстве.— В продолжение этого времени 1707 года Петр Великий пожаловал любимца своего Никиту Демидовича личным дворянином, повелев именовать его *господином Демидовым*.

Чтобы распространить оружейное производство в Туле по словам Демидова, Петр Великий 1705 года прислал из Москвы дьяка Андрея Беляева и велел ему при-

искать удобное место к построению оружейного двора с 50 горнами, для заварки стволов и отделки ружей. Беляев построил такой *оружейный двор* по подряду самопальника Андрея Владимировича, на берегу Упы, против деревянной Вознесенской церкви, рядом с *мирским двором*, где судили и рядили оружейные старосты. Того же 1705 года, по собранным сведениям Беляева, Петр Великий издал *оружейный наказ*, подробно определявший обязанность оружейников (бывших самопальников) к своим старостам, равно как в строгом осмотре и приеме сделанных ими орудий. Но когда наказ этот в строгом смысле не мог быть исполняем одними старостами, государь 1708 года, сентября 15 дня, повелел быть в тульской *Оружейной* (бывшей Кузнецкой) слободе первым начальником, «комиссаром» помещику (Тульского уезда) капитану Якову Филипповичу Жеребцову, который мало-помалу стал вводить воинскую подчиненность между оружейниками и быстро подвинул дело вперед; но два года спустя вспыхнувший пожар на мирском *дворе* немало повредил и оружейный двор Беляева, так что оружейники стали вновь льготно работать по своим дворам, всемерно избегая оружейного казенного двора.— 1711 года августа 2 дня прибыл в Тулу из Москвы сенатор, князь Григорий Иванович Волконский, назначенный главным начальником всего оружейного производства в государстве; лично осматривал Оружейную слободу и завод *господина* Демидова. Вскоре после сего (10 августа 1711 года) стольник Клементий Матвеевич Чулков сменил Жеребцова и скоро построил посреди Оружейной слободы другой *оружейный двор* (ныне арсенал), также по подряду оружейника Владимировича.— Новый строгий комиссар этот, по вступлении своем в должность, доносил в Москву, сенатору князю Волконскому, следующим любопытным *рапортом*: «Живу я в оружейной слободе неотлучно, и мастерам подтверждаю с *пристрастием*, чтобы они ружья делали с великим тщанием денно и ночью, и против образцов в сходство, и для того каждого дни по мастерам езжу, и многих *бью батоги*».— В другой раз Чулков пишет к князю Волконскому следующее: «По твоим, государь, письмам, истинно, ей, ей, всеусердно радею, как пуще того быть нельзя, что каждого дня человек по десяти *бью батоги*, приборщиков и замошников на оружейном дворе зело понуждаю, не только что дни, но и ночи спать не даю». Тогдашняя война Петра Великого с Турцией и северным героем, Карлом XII, требовала такой неусыпной деятельности в оружейном производстве.— В то же время, указом Сената, повелено к 1749 тульским мастерам-оружейникам прибавить из разных губерний кузнецов свободного состояния; до 1716 года перешло их в Тулу 255 человек.

За сим именным указом Петра Великого в 15-й день февраля 1712 года повелено сенатору князю Волконскому строить в Туле, на *старом* тульском *городище*, *казенный оружейный завод*, переградив плотиной реку Упу у нижнего моста; потому что судоходство по Упе из Ивановского канала, при всех усилиях Петра, не состоялось.— Волконский, прибыв в Тулу, поручил главный надзор за построением завода стольнику Василию Кирилловичу Вельяминову, и с 17 марта (1712 года), во-первых, начато построение 34-саженной плотины гидравликом-самоучкой, оружейником Марком Красильниковым; а через два года (1714 года) завод этот уже был в ходу, и вододействующие машины сверлили, обтачивали и белили (полировали) стволы.— Ружейные же замки и прочие ручные работы производились по-прежнему на оружейном дворе и по домам мастеров.— После смерти Красильникова (11 июня 1714 г.) место его занял также самоучка механик, ораниенбургского (меншиковского) батальона, солдат Василий Батищев, случайно присланный из Москвы в Тулу, с предписанием оружейной палаты к комиссару Чулкову. При Батищеве, для увеличения вододействующих машин, князь Волконский испросил у государя 2500 человек пленных шведских солдат и с оставленного Ивановского канала перевел их к заводу в Тулу.— 1715 года марта 16 дня, по воле Петра, указом Сената, на место князя Вол-

конского назначен главным начальником оружейного производства генерал-фельдцейхмейстер Брюс (известный граф Яков Вилимович, прославившийся астрологическими знаниями и своим столетним календарем, долговременно игравшим большую роль в государстве), и завод поступил в ведение артиллерийского приказа; тогда же г. Чулкова сменил новый комиссар, князь Никита Матвеевич Вадбольский, родной брат бывшего тогда первым тульским провинциальным воеводой князя Ивана Матвеевича Вадбольского.— Того же 1715 года, для хранения оружия и ручных работ, по предписанию Брюса, был перестроен Вадбольским *оружейный двор* каменным зданием, оконченный 1718 года сказанными пленными шведами.— Двор этот 1786 и 1787 года перестроен С. Н. Веницеевым в арсенал на прежнем фундаменте. После комиссара, князя Никиты Вадбольского, до 1737-го года были начальниками завода: князь Василий Григорьевич Волконский (внучатый брат сенатора), Свечин, Хомяков, Половинкин, Брянчанинов, барон Альбедеиль и Овцын. В царствование императора Петра II-го 1728-го года, по указу генералиссимуса, светлейшего князя, герцога Ижорского, Александра Даниловича Меншикова, Тульский оружейный завод был перестроен вновь.— По указу же императрицы Анны Иоанновны 1737-го года, 22 сентября, назначен главным начальником оружейного производства и вновь учрежденной систербецкой оружейной канцелярии известный генерал Вилим Иванович де Геннин (*de Hennin*), построивший Петру Великому екатеринбургские и пермские медные и железные заводы, вместе с знаменитым Акинфом Никитичем Демидовым.— Геннин был друг Демидовым и прославился своим бескорытием при таких капитальных местах. При Геннине на мирском дворе для управления заводом была построена оружейная контора, впоследствии переименованная (1762 г.) канцелярией; командиром же Тульского оружейного завода был прислан из С.-Петербурга, с Сестрорецкого оружейного завода, майор Андрей Венедиктович Беер, покровительствуемый всемогущим тогда герцогом Бироном, по повелению коего тульские заводы дворянина Акинфа Никитича Демидова куплены тогда в казну и, вероятно, с немалой пользой для корыстолюбивого временщика.

Затем прибывший с Беером гиттен-фервальтер Улих устроил на заводе машину для выработывания стали.— А новый командир 1737 года озаботился испросить у всемогущего Бирона весьма важные для завода милости: указом *правительствующего* Сената повелено 8 казенных засек, Калужской и Тульской провинции, отчислить к заводскому ведомству и около 2½ тысяч душ крестьян, по тогдашней 1-й ревизии из Козельского, Перемышльского, Лихвинского, Тульского, Дедиловского и Веневского уездов, приписать к заводу засечными сторожами и чернорабочими людьми.— Другим указом, по настоянию Беера, повелено ограничить штат оружейников числом 1688; а вне числа этого всем дозволено переходить в купечество, с платежом 1-го рубля 20-ти копеек ежегодного подушного оклада, до новой ревизии.— Вследствие чего многие семейства зажиточных оружейников объявили капиталы и перешли в купцы, превознося милость и заступление Беера.— С 1737 до 1797 года, по 2-й, 3-й, 4-й и 5-й ревизиям, в течение 60-ти лет, их выбыло в купечество около 600 лиц. В то же время Беер (1737—1739 г.) перестроил на заводе плотины и запрудил новую верхнюю плотину в 120 сажень длины, с подъемными спусками, прорыв сообщением с нижним рукавом речки Тулицы. Беер, ежегодно возводимый в чины Бироном, в начале царствования императрицы Елисаветы Петровны был уже бригадиром, и 1744 года мая 17-го из командиров Тульского оружейного завода был послан в Сибирь, к управлению Кольванского, Барнаульского, Змеиногорского и других медных и серебряных заводов, взятых от действительного статского советника Акинфия Никитича Демидова в казну. Добытое первое сибирское серебро Беером (более 86 пудов) было пожертвовано императрицей Елисаветой Петровной в Александроневский монастырь, к раке святого благоверного великого князя Александра Невско-

го; причем бессмертный преобразователь русской словесности, Михаил Васильевич Ломоносов, сочинил приличную эпитафию, начертанную на серебряной раке этой.

Императрица Елисавета Петровна, проезжая через Тулу 1744 года августа 4 дня, лично изволила видеть завод — труды бессмертного своего родителя.

Место Беера на Тульском оружейном заводе занял бригадир Василий Фед. Пестриков, при котором, 1748 года, устраивал на тульском заводе новые машины с.-петербургского сестрорецкого завода механик *Нитцель*.— 1754 года, указом императрицы Елисаветы Петровны, для сохранения лесов, повелено все частные заводы, на расстоянии 200 верст от Москвы, уничтожить; ходатайством же Пестрикова, заводы на Тулице: Баташева и Данилова, а за Окой (против Алексина) *Мышенский* Мосолова и Дугенский (близ Оки) Демидовых оставлены для производства материалов Тульскому оружейному заводу.— По смерти Пестрикова, 1755 года, был командиром завода действительный статский советник Федор Тимоф. Хомяков, потом генерал-майор Бибиков, а его заместил бригадир Афанасий Семенович Жуков, который с 1763 по 1782-й год был произведен тут в генерал-майоры и генерал-поручики. В начале правления его тульская оружейная канцелярия поступила в ведомство генерал-фельдцейхмейстера, знаменитого графа Петра Ивановича Шувалова.

По окончании празднеств Куйчук-Кайнарджийского мира, 1775 года, декабря 13-го дня, Екатерина Великая прибыла из Москвы в Тулу осмотреть оружейный завод и остановилась на оружейной стороне, в доме Никиты Акинфиевича Демидова.— На другой день командир завода генерал-майор Жуков имел счастье показывать обожаемой государыне на заводе все тульское оружейное производство; памятником вожденного события этого хранится в арсенале оружейный ствол, при заварке которого сама государыня державной рукой удостоила три раза ударить молотком, поднесенным Жуковым на стальном блюде, также хранящемся в арсенале. Это составляет первую достопамятность арсенала; весьма жаль, что по множеству изделия драгоценной рукой Петра Великого, ничего не осталось здесь для памяти. При открытии наместничества 1777-го года оружейники по судным делам подчинены были тульской нижней расправе; в полицейском же отношении — тульскому городничему.

1780 года июня 2-го дня тот же командир завода, генерал-поручик Жуков имел счастье показывать Тульский оружейный завод августейшему гостю — римскому императору Иосифу II, который немало удивлялся нашему искусству оружейного производства, в особенности драгоценному ружью (14 декабря 1775 г.) почитаемой им царицы севера, отлично оправленному золотой и серебряной насечкой (*incruster*).

1782 года, влиянием наместника Михаила Никитича Кречетникова, оружейная канцелярия уничтожена, а командир завода генерал-поручик Жуков, после двадцатилетнего начальствования, уволен, и Тульский оружейный завод поступил в непосредственное ведение Тульской казенной палаты, при поручике правителя наместничества (вице-губернаторе) бригадире, Ларионе Григорьевиче Украиннове, при коем, для разбирательства судебных дел, с 1782 года учреждена была оружейная *ратуша*, по собственному выбору оружейников.

После сего правителями завода были следующие советники Тульской казенной палаты: Гавриил Федорович Гурьев с ассессором А. Д. Денисовым; с 1785-го года кол. совет. Семен Никифорович Веницеев; с 1794 года Владимир Иванович Остолопов; с 1791 по 1796-й год последним от казенной палаты правителем был советник, князь Егор Михайлович Назаров.— В четырнадцатилетнее правление казенной палатой завод получил следующее устройство: 1782 года высочайше утверждено положение Кречетникова об управлении заводом и приписанных к нему тульских и калужских крестьян, равно как о сбережении казенных засек; причем *Чулковская* слобода отписана была вся к поселению оружейников, а находящиеся в ней земли помещиков (за 11 тысяч рублей серебром) куплены государыней, для построения слободы по ново-

му плану; тогда же тульские ямщики, искони жившие в Кузнецкой слободе за мостом (по всей нынешней Миллионной улице), переведены за Московскую и Киевскую заставы, а все оружейники, жившие на городской стороне (вопреки не исполненного указа 1737 года при Беере) переведены были на оружейную сторону.— *Гончарная* слобода с Пречистенской церковью своей (Рожд. Богородицы) прежде сего слилась уже с Кузнецкой слободой; *гончары* (горшечники) частью перешли в оружейники, частью же переселились за Московскую заставу.— За сим высочайше подтверждены все права и преимущества оружейников, а зажиточным из них даровано право купцов 1-й и 2-й гильдии без платежа гильдейских повинностей; три года спустя после сего (1785 года), по ходатайству незабвенного Веницеева, все оружейники освобождены были от платежа подушной подати (1 руб. 20 коп. сереб. в год).

Екатерина Великая, горячо заботясь о всех делах бессмертного Петра, с 1778 года, по проекту наместника Кречетникова, составила комиссию для построения каменного оружейного завода; но за недостатком средств к таковому предприятию, 1782 года, повелела временно перестроить Тульский оружейный завод; дело это было окончено советником-правителем Веницеевым в 1786 году.— Гидравлическими постройками машин всех заведывал известный зодчий-механик, капитан, Косьма Семенович Сокольников, и завод стал ежегодно отделять оружия на 15 тысяч войска, с усиленными же средствами мог выставить вдвое более этого.— Солдатское ружье по расценке стоило тогда 3 рубля 80 коп. серебром.— 1784 года построена была у Демидовского пруда (на заводской плотине его) каменная пробная галерея, где каждую субботу, при пробе (двойным зарядом пороха) готовых оружейных стволов, бывает страшная канонада выстрелов, раздающихся по всей Туле.— 1785 года построена была первая механическая мастерская для математических и физических инструментов; на предмет этот был прислан из С.-Петербурга, светлейшим князем Григорием Александровичем Потемкиным, английский мастер Федор Иванович Дових.

В управление же заводом советника Семена Никифоровича Веницеева (1786—1787 г.) каменный оружейный двор был перестроен на старом фундаменте в арсенал, где хранились прежде несколько древних орудий: пищали, самопалы и пушки, бывшие на тульских крепостях и поражавшие некогда татар и московскую рать царя Василия Иоанновича Шуйского; равно как древние мечи, секиры и бердыши, и довольно число взятых под Полтавой шведских ружей, с которыми северный герой — Карл XII, 1709 года хотел покорить Петра и Россию.— Большая часть древних орудий сих взятых были в Московскую оружейную палату и арсенал; все же оставшееся с образцовым оружием помещено при входе в арсенал, в средней палате, 1816 года переправленной архитектором Лером, стены коей при командире завода Е. Е. Штадене изящно украшены были воинскими арматурами известным оружейником Боголеповым.— Ныне же с 1843 года, при командире завода Н. И. Лазаревиче, военная арматура эта приведена в новый изящнейший вид по рисунку архитектора Михайлова оружейником Селезневым, состоящий в призматико-цилиндрическом возвышении из всех родов оружия, увенчанного большим бюстом царствующего государя императора.— Там же внизу лежат: прежние литавры, дубель-гаки (род огромных мушкетонных с цапфами, бывшие в употреблении на воронежской флотилии при Петре Великом); из образцовых орудий нет старше пистолета 1744 и ружья 1758 года.— Здесь же хранятся в отличной оправе шесть ружей, осчастливленных работой высочайших особ; равно как несколько знамен, употребляемых ежегодно при сборе в Тулу бессрочно-отпускных солдат.— Стены палаты этой в том же 1843 году украшены золотыми надписями о времени посещения высочайших особ.— При входе в арсенал на каменном помосте лежат две прежние чугунные пищали (пушки) 8-фунтового калибра, длиной по 2 арш. 10 верш., с вылитым на них титулом царя Алексея Михайловича 1646 года; и одна чугунная корабельная пушка, вырытая 1843 года близ плотины

бывшего Демидовского завода.— В боковых палатах арсенала размещены в нескольких этажах огромное количество готовых ружей, штуцеров, пистолетов, сабель, тесаков, пик и прочего оружия, на целую стотысячную армию. Вместе с арсеналом, по повелению наместника Кречетникова, был построен временный деревянный дворец (где ныне корпус паровой машины), для проезда императрицы Екатерины II из полуденного края.— Усердный Веницеев озаботился насадить тут из молодых деревьев сад, с бассейном и фонтаном чистой воды.— Государыня изволила пробыть здесь около двух суток: июня 20-го, 21 и 22 дня 1787 года.— Осмотрев арсенал и завод, императрица была несказанно милостива: лично благодарила Веницеева и всех заводских начальников, наградила многих оружейников, приняла от них собственно для ее величества работанные стальные кресла, столы, канделябры и отличную чернильницу, (сохраняющиеся донныне в С.-Петербургском летнем дворце); после чего на другой день (22 июня), в 9 часов утра государыня изволила выехать в Москву.— Из дворца этого оставшееся государынино бархатное с золоченой резьбой кресло и английские стенные часы усердный Веницеев испросил на всегдашнюю память поставить в оружейной канцелярии, сохраняющиеся донныне в оружейном правлении.

1794 года на заводе был надзирателем оружейного искусства обучавшийся (по мысли Веницеева) в Англии тульский оружейник Алексей Михайлович Сурин, за искусство свое высочайше пожалованный в титулярные советники при последнем правителе, казенной палаты советнике, князе Егоре Михайловиче Назарове,

На другой день, по восшествии на престол императора Павла I, 8 ноября 1796 года, был назначен командиром Тульского оружейного завода бывший калужский гражданский губернатор, генерал-майор, князь Петр Петрович Долгоруков, с высочайшим повелением тогда же отменить правление заводом тульской казенной палаты и принять его в непосредственное ведение военной коллегии по всей административной части.

По прибытии своем в Тулу князь Долгоруков решительно преобразовал все оружейное производство: при нем, 1797 года, учреждено *оружейное правление*, вместо прежней ратуши,— и *оружейный цеховой разряд* (подобный городовому магистрату) в гражданском и уголовном производстве под ведением оружейного правления и правительствующего Сената.— Равно как собственная полиция под ведением заводского полицмейстера.— Завод получил директора (первым был г-н Золотухин), и все оружейники разделены были на *пять цехов*: *ствольный, замочный, белого оружия, приборный и ложевой*; первые три разделялись на 20, а последние два на 10 артелей, сверх сего еще артель *стальных мастеров* с ежегодным общественным выбором старост и старшин.— При сем главным условием поставлено было все работы производить временными *уроками*.— При таком новом устройстве завода прочность и успех в оружейном деле быстро возросли при Долгорукове: 1797 года сделано было нового огнестрельного оружия 24438, белого оружия 46976; солдатское ружье обошлось в 6 руб. 60 коп. серебром; 1798 года сделано огнестрельного оружия 45438, белого 103434; ружье обошлось в 8 рублей серебром; 1799 года сделано было огнестрельного оружия 43388, белого 76180; ружье обошлось в 9 рублей 90 коп. серебром; 1800 года, по 1-е августа, сделано огнестрельного оружия в 7 месяцев 27644; ружье обошлось в 8 рублей серебром.— Высочайшие благоволения и щедроты императора Павла I не умедлили в наградах ревностного начальника завода: князь Долгоруков 1798 года, 3 марта, был произведен в генерал-лейтенанты; 1799 года 3 декабря в генералы от инфантерии.— Но не медлили и враги Долгорукова: в конце 1800 года он уже был отставлен от службы.

В 3 день декабря 1800 года император Павел I назначил на место Долгорукова командиром завода генерал-лейтенанта Федора Андреевича Эжелена.— При восшествии на престол императора Александра Благословенного Эжелен, после коронации

в Москве, имел счастье представить избранных тульских оружейников с поднесением превосходной отделки оружейных изделий и стальных вещей; юный монарх, при всемиловитивейшем рескрипте 1 октября 1801 года, благоволил пожаловать оружейникам тульского завода *золотой ковш*, которым первый изволил откушать вина за здоровье своих верноподданных — усердных мастеров.— Рескрипт и ковш хранятся ныне особенно под стекляннным колпаком в тульском оружейном цеховом разряде.— При Экелене построен новый двухэтажный каменный дом для заводских командиров, рядом с древним городищенским Воскресенским собором; при нем же и известный заводской механик Сокольников (1802 года) уволен в отставку с чином коллежского советника; место его заменил артиллерии полковник Фелькерзам, потом бывший директором завода.

По высочайшему повелению 1804 года, определен командиром завода генерал-майор Василий Николаевич Чичерин, а на место директора, генерал-майора Фелькерзама, назначен стат. советник Прохор Григорьевич Цвилленев.— При Чичерине с 1807 по 1810 год завод стал украшаться большими каменными зданиями; тогда построены были: корпус оружейного правления, приемная палата, механическая мастерская, дом заводской полиции, затем, прошед кривой мост,— два каменных корпуса для хранения угля и ложевых деревьев (ныне штамбовые мастерские).— Потом вся береговая местность завода выровнена и возвышена насыпной землей, а правый берег Упы, между *красным* и *кривым мостом*, укреплен каменной набережной; причем по всей каменной набережной поставлена была прочная железная решетка, на протяжении 250 сажен, четыре спуска рабочей воды, идущие от набережной к заводским машинам, также обложены тесаным камнем.— Вместо нижней плотины построен прочный каменный шлюз с тремя воротами для спуска воды; равномерно и верхняя плотина перестроена была в каменный шлюз с десятью спусками для весенних вод.— Все гидравлические работы эти были произведены простым механиком, веневским купцом Фед. Фед. Чеботаревым.— При таких значительных постройках на заводе Чичерин должен был еще усилить оружейное производство: борьба с Наполеоном в Аустерлицкой кампании 1805 года, в Прусской кампании 1807 года и наконец Финляндская кампания 1808 года, когда непрерывно тульский завод должен доставлять новое оружие; все это требовало больших трудов и энергической деятельности; Чичерин и комитет о постройке завода достойно оправдал доверенность Александра Благословенного.— 1809 года по представлению Чичерина куплены были у обергермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина 350 душ оружейников его, с прежде бывших алексинских заводов: Соломыковского, Ведменского, Ченцовского, Вепрейского, и перенесены в тульские казенные оружейники.— При Чичерине с 1806 по 1808 год, когда серебряный рубль, постепенно возвышаясь, взошел в 4-е рубля, солдатское ружье обходилось только около 11 руб. ассигнациями (около 3 рублей серебром, весило 13½ фунтов и стреляло пулей на 120 сажен); а оружейники, при 50-тысячной пропорции огнестрельного оружия, зарабатывали в год: заварщики стволов до 239 руб., стальные мастера до 270 руб., калышки до 250 руб., ствольные токари до 200 руб., сверльщики до 120 руб., молотобойцы от 73 до 38 рублей ассигнациями.— Вследствие чего задельная плата упала в значительном количестве против прежних лет, с видимыми убытками для мастеровых.

По высочайшему повелению на место Чичерина 1810 года поступил командиром завода артиллерии генерал-майор Федор Никитич Воронов и в то же время утвержден механиком завода комиссионер стальных сибирских материалов незабвенный Павел Дмитриевич Захаво, а по кончине Довиха (1812 года) принял в ведение свое и механическую его мастерскую.— С 1810 по 1811 год построен был на заводе архитектором Лером каменный корпус для паровой машины, отлитой в С.-Петербурге, по проекту инженера генерал-лейтенанта Бетанкура, на заводе Берда, и инженер майор

барон Боде прислан был устраивать ее в Туле.— 1811 года завод для лучшего устройства разделен был на *искусственную* и *хозяйственную* часть, и директором первой назначен был барон Боде, директором же хозяйства г-н Цвиленев.— 1812 года по высочайшему повелению Тульский оружейный завод поступил в ведение С.-Петербургского артиллерийского департамента. Уготовляемая Наполеоном гроза с запада требовала неусыпной деятельности в приготовлении оружия, с которым бы, по выражению бессмертного поэта: «*Стальной щетиною блистая, восстала Русская земля!*» И вот настал ужасный год отечественной брани: Наполеон с громадными силами почти всей Европы нагрянул на Россию.— Александр поспешил в Москву и в 12-й день июля воззвал государство к ополчению.— Воронов из Тулы прибыл получить лично повеления обожаемого государя, и снабжен был высочайшим предписанием, оканчивающимся следующими словами: «Ежели вы, благоразумным своим распоряжением, и старанием вольных фабрикантов, будете ежемесячно готовить оружие более, то оно принято будет мною за особый знак вашего ко мне и отечеству усердия. Препоручаю вам объявить всем тульским заводским мастерам и фабрикантам, имеющим свои фабрики, что ни каковое еще время в отечестве нашем не требовало более от каждого усердия и пожертвований, как нынешнее, следовательно, я уверен, что из фабрикантов найдутся такие усердные сыны отечества, что все фабрики свои обратят к одному делу оружия, и тем дадут способ имена их передать в память потомству».— Получив такое воззвание и вняв отеческому гласу обожаемого монарха, тульские фабриканты и оружейники превзошли себя и оказали колоссальные усилия и труды: каждый месяц было готово по 10 тысяч новых ружей и по 3 тысячи переправленных (казенные мастера выставляли их по 7 тысяч, частные по 3 тысячи).— Такая громадная пропорция могла составить в год 156 тысяч ружей.— Но ужасная борьба с исполином Европы истребляла все: все запасы, все арсеналы; и в августе месяце могущественная союзница наша Англия прислала еще 50 тысяч своих ружей... Воображением трудно объять столь непомерные нужды... какая война!?!.. какое исполинское усилие одного против всех народа Русского?!.. Тут можно повторить с царем-пророком: «*Кто Бог великий, яко Бог наш! Ты еси Бог творящий чудеса!*» Тульские оружейники наши в продолжении всей войны с Наполеоном, 1812, 1813, 1814 года, выставили около 500 тысяч огнестрельного оружия!!! И таким примерным усердием царю и отечеству на вечные времена обессмертили себя в истории.

В 28-й день июля, 1816 года, его императорское высочество великий князь Николай Павлович, ныне благополучно царствующий государь, после августейшей бабки своей великой Екатерины, первый из императорской фамилии удостоил своим посещением завод и при заваривании карабинного ствола собственноручно изволил действовать; причем командир завода Воронов имел честь поднести высокому гостю на блюде тот же молоток, который 1775 года был осчастливлен державными руками повелительницы могущественной России.— Карабинный ствол этот тогда же был осажен в красивую ложу и хранится ныне в арсенале.

В 1-й день сентября 1816 года Тула и оружейный завод, при радостных кликах народа, в первый раз имели счастье встречать Богом прославленного и народами Европы *благословенного* царя своего.— Осчастливив завод своим присутствием, император Александр Благословенный лично благодарил все сословия мастеров за примерное усердие и усиленное жертвование их в Отечественную войну; для поощрения же оружейного дела собственными державными руками изволил участвовать в работе ружейного ствола и прославленного штыка *русского*.— Командир завода Воронов готовое ружье с такими драгоценными воспоминаниями, на память векам, поставил в арсенал для хранения.

Высочайшим повелением в 20-й день апреля 1817 года назначен командиром завода артиллерии генерал-майор Евстафий Евстафьевич Штаден; а в сентябре месяце того

же 1817 года прибыл на завод из знаменитого английского города Бирмингема механик Иван Иванович Джонс.— С этого счастливого времени начинается новый блистательный период в истории тульского оружейного производства.— Штаден был новым Долгоруковым для завода.— Его-то неусыпными трудами и попечениями восстановлена вся организация оружейного производства: обеспечены работы, поддержаны мастера-вые, бывшие до него в критическом положении после непомерных усилий военного времени; наполнены хлебом запасные магазины и улучшен быт оружейников под собственным его личным надзором; равно как высокой деятельностью и совершенным знанием дела сотрудников его (по искусственной части) — Захавы и Джонса, Тульский оружейный завод достиг европейской известности и славы.— Механик Джонс преобразовал с самого начального основания многие заводские работы: посредством своих (*джонсовых*) *штамбов и прессов* все части ружья стали, так сказать, отливаться у нас в одну форму, так, что целые сотни тысяч ружей, будучи разобраны и перемешаны во всех частях своих до малейшего винта, могут быть вновь собраны, приходясь одними соответствующими частями к другим без изъятия!!.. Этого никогда и нигде до сего времени не являла еще история оружейного производства.

Во 2-й день ноября 1817 года покойный великий князь Михаил Павлович в первый раз удостоил посещением своим завод и оставил по себе памятник поощрения и трудов: собственноручно кованный им ствол гусарского ружья, который тогда же был осажен в красивую ложу и поставлен Штаденом в арсенал.

В 25-й день июня 1819 года Тульский оружейный завод имел счастье поступить под главное начальство его императорского высочества, покойного великого князя Михаила Павловича, как генерал-фельдцейхмейстера всей артиллерии, и за отличное управление Штаден награжден 1822 года орденом св. Анны 1-й степени.— Вслед за сим, представительством его высочества в 19-й день мая 1823 года, высочайше утверждены *новый штат* заводу, с прибавкой всем жалованья.— По положению этому за всякое пехотное ружье определено платить мастерам по 8 руб. 35 коп. ассигнациями (с полным же прибором ружье обходилось казне по 19 руб. асс. около 5 ½ руб. сереб.) и приведены в ясность обязанности всех и каждого, служащих на заводе, равно как положено выделять ежегодно от 50 до 70 тысяч огнестрельного оружия, и от 20 до 25 тысяч белого оружия.— Причем заводской механик Джонс получил 20 тысяч рублей асс. годового оклада жалованья.

Во 2-й день сентября 1823 года блаженной памяти государь император Александр Павлович вторично осчастливил завод своим посещением: лично изволил благодарить Штадена, Захаву и в особенности Джонса за его механические приспособления штамбов и прессов в отделке ружейного замка; более получаса времени удостоил говорить с ним по-английски о необыкновенных дарованиях и переимчивости русских в мастерствах. За найденное государем превосходное устройство завода командир Штаден тогда же был награжден орденом св. Владимира 2-й степени большого Креста.

Высочайшим приказом в 7-й день апреля 1824 года генерал-майор Штаден определен инспектором всех трех оружейных заводов в государстве (Сестрорецкого, С.-Петербургской губернии, Тульского и Ижевского,— Вятской губернии).— После чего в 29 день апреля 1825 года, по высочайшему повелению, назначен был артиллерии генерал-майор Александр Богданович Философов командиром Тульского оружейного завода, где предоставлено и местопребывание главному начальнику, инспектору Штадену.

После кончины блаженной памяти императора Александра Благословенного, когда тело его из Таганрога, января 28—29 дня 1826 года, было провозимо через Тулу, оружейные мастера, благоговей к памяти царя-благодетеля своего, около 10 верст везли на себе тело его и простили весь долг неимущим собратьям своим,— ассигна-

циями около 150 тысяч рублей.— За таковой примерный поступок государь император обществу тульских оружейников соизволил пожаловать в 28-й день марта 1826 года драгоценный золотой кубок при всемилостивейшей похвальной грамоте.— Кубок этот хранится ныне по примеру александровского *золотого ковша* в оружейном разряде. Событие это общество оружейников положило ежегодно праздновать в день получения (31-го июля) и выдавать бедным по тысяче рублей ежегодно.

В первый день января 1826 года государь император Николай Павлович за отличное управление заводами инспектора Штадена всемилостивейше наградил чином генерал-лейтенанта артиллерии.

В 20-й день сентября 1826 года благополучно царствующий государь император, в сопровождении принца Карла Прусского, принца Гессен-Гамбургского, начальника главного штаба Ивана Ивановича Дибича и прусского генерал-майора графа Ностица, прибыл из Москвы в Тулу.— На другой день в 10 часов утра его величество, в сопровождении принцев, изволил поехать в арсенал осматривать в нем уже готовое оружие, коего находилось тогда налицо: огнестрельного 54125 и белого 27318.

Из арсенала государь поехал на завод, где изволил пробыть до 6-ти часов вечера, упражняясь в самом подробном рассматривании всех машинных и ручных работ, показываемых инспектором Штаденом, отличным знатоком оружейного дела; потом к неопisanному восторгу мастеров-оружейников, что величеству благоугодно было собственными державными руками действовать при разных производствах работ и при разбирании смешанных частей от многих оружейных замков, чему немало удивлялись иностранные принцы, лично отдавая справедливость механику Джонсу как первому эксперту в Европе.— Милостивые выражения не сходили с уст монарха, лично изъяснявшего благоволение свое инспектору Штадену, командиру завода Философову и механикам Захаве и в особенности Джонсу.

Того же 1826 года 11 октября после царя прибыл из Москвы в Тулу его императорское высочество генерал-фельдцейхмейстер, покойный великий князь Михаил Павлович, дабы обревизовать разные отделения завода во всей их подробности, для чего и пробыл здесь около двух суток, удостоив личным посещением любимого им инспектора Штадена, который в особе его высочества имел всегдашнего своего покровителя и благодетеля.

1827 и 1829 годы были самые неблагоприятные для оружейного производства: большие наводнения Упы два раза прорывали старую верхнюю заводскую плотину, и завод без действия стоял по целому году.— 1831-го года инспектор оружейных заводов генерал-лейтенант Штаден вместе со своими обязанностями был высочайше назначен военным губернатором города Тулы и правящим Тульской губернией на правах генерал-губернатора.— В то же время, по возобновлении плотины, оружейный завод быстро пошел вперед производством оружия: 1831-го года выставлено было 46 тысяч ружей; 1832 года 35 763 ружья.— 1833-го года поступил на завод помощником командира по искусственной части артиллерии подполковник Илья Тимофеевич Радожицкий (известный автор, ныне генерал-майор); при нем в тот же год выработано было 45250 новых ружей, а 1834 года по 29 июня, в полгода, сделано было 25649 ружей.— Такое быстрое производство обещало еще большие успехи; но бедственный пожар 29 июня 1834 года, гонимый ужасной бурей юго-западного ветра, от *Петропавловской церкви* обратился на гостиный двор и *Пятницкую* улицу, а в третьем часу пополудни охватило пламенем все деревянные здания завода и превратило их в пепел.— В несколько часов были жертвой огня и каменные заводские мастерские, вместе с домом инспектора и военного губернатора Штадена (где прожил он с семейством своим около 17-ти лет).— Рядом же с домом этим, видимо, Господь сохранил заводскую церковь — эту главную святыню древнего города Тулы, равно как усердием оружейников и благоразумными распоряжениями директора Радожицкого среди

столь опустошительного пожара спасены были оружейное правление, корпус паровой машины и дом заводской полиции.

Счастливо уцелевшая бердовская паровая машина, стоявшая на заводе (с 1811-го года) без всякого употребления, вскоре после пожара, с разрешения высшего начальства, стала быть исправляема заслуженным заводским механиком Павлом Дмитриевичем Захавой.— Его-то большей деятельностью и знанием дела приспособлены были к машинам 50 станков для внутренней и наружной отделки ружейных стволов.— Вместе с этим на *Демидовской* мельнице устроены им же гидравлические машины для точения и полирования штыков и шомполов (10 точильных и 9 полирных дубовых кругов).— И таким дивным возобновлением, после восьмимесячного бездействия вовсе погибшего завода, в 1-й день марта 1835 года, Захаво пустил в ход бердовскую паровую машину и Демидовскую мельницу.— Обездоленные оружейники с жадностью приступили к своему привычному делу, и более 35 тысяч огнестрельного оружия было выставлено ими в год, к 1-му марта 1836 года.— После такого славного опыта Захаво, по воле начальства, увеличил число станков к паровой машине и точилам на *Демидовской* мельнице и в следующие годы, этими двумя заведениями своими, вполне заменил погибший от пожара завод, а трудолюбивые, усердные оружейники, успешными работами своими, но давали заметить истребление прежних больших вододействующих машин.

Потеря завода и бедственное опустошение Тулы до того огорчили многоуважаемого и всеми любимого начальника Штадена, что он продолжительно занемог и 1835 года был уволен от всех занимаемых им должностей...

В 17-й день июля 1835 года высочайше назначена комиссия о построении нового каменного Тульского оружейного завода, под председательством артиллерии генерал-лейтенанта Николая Степановича Вельяминова; членами комиссии были: действ. стат. советник Николай Яковлевич Захарьин, артиллерии полковник Яков Петрович Красовский и инженер путей сообщения полковник (ныне генерал-майор) Эрнест Иванович Шуберский.

Вскоре после сего государь император благоволил назначить инспектором всех оружейных заводов (1835 года) генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Матвея Евграфовича Храповицкого (командовавшего прежде в Туле гренадерской дивизией войск).— При нем комиссия по высочайше утвержденному проекту, через главного управляющего путями сообщения и публичными зданиями, графа Карла Федоровича Толя, приступила к построению завода; для чего, вместе с большим количеством вольнонаемных мастеров-каменщиков, употребляемы были шесть резервных батальонов 2-го пехотного корпуса.

Вместо А. Б. Философова, высочайшим приказом в 22-й день января 1837 года, поступил командиром завода артиллерии генерал-майор Александр Иванович Сиверс; при нем строящийся завод осчастливлен был, в 9-й день июня 1837-го года, высочайшим прибытием государя цесаревича наследника Александра Николаевича, путешествовавшего для обозрения государства. Свиту его высочества составляли: генерал-адъютант Александр Александрович Кавелин, тайный советник Василий Андреевич Жуковский (знаменитый согражданин наш), действ. стат. совет. Константин Иванович Арсеньев (известный географ), полковник Назимов, гвардии офицеры: граф Виельгорский, Паткуль, Адлерберг (сын графа Владимира Федоровича) и лейб-медик Иван Васильевич Енохин.— На другой день 10-го июня государь цесаревич соизволил осматривать производство работ на *бердовской* машине, лично благодарил механика Захаву и при заварке ружейного ствола собственноручно участвовал в работе.— Осаженное в красивую ложу ружье это командиром завода Сиверсом поставлено в арсенал.— После сего его высочество посетил выставку тульских фабрикаций, нарочито уготовленную к приезду августейшего гостя. На выставке этой после воен-

ного оружия, с казенного завода, обращали на себя особенное внимание: 1) охотничьи ружья и пистолеты Бабякина, Ижевского, Сушкина, Порохова и Рудакова; ружье и два пистолета Медведева с полным прибором, но в таком малом виде, что вместе весили не более двух золотников; его же, Медведева, многоствольный пистолет, заряжающийся в один раз на 50 выстрелов; 2) кинжалы, шашки и сабли Афанасьева; 3) кавалерийские приборы и множество всякого рода стальных вещей Баташева, Киселева, Селезнева, Пушкина, Барышова, Лялина и Ефимова; равно как трех последних заводчиков и оружейника Плакидина, превосходной работы, комнатные дверные и оконные приборы, рассылаемые из Тулы по всей империи; 4) прелестные галантерейные вещицы Шкунева и Шпанова; 5) компасы, барометры, термометры и свекловичные терки Коновалова; 6) отличные полугодовые часы знаменитого нашего механика Павла Дмитриевича Захавы и красивые стенные часы Милованова. За сим, первые в государстве произведения самоварных фабрик были на выставке: потомственных почетных граждан Ломовых и Черникова, равно как купцов: Лисицына, Хруслова; самовары же и кофейники оружейника Маликова отличались на выставке особенной изящностью форм своих, добротой металла и несравненно противу всех чистой отделкой.— Маликовские самовары требуются из Тулы за границу.

В числе других произведений выставлены были оружейником Гайдеровым стальные волокна для золотой канители, его же пилы, сделанные прокатной машиной собственного производства; Зубарева стальные веретена для бумагопрядильной машины; Надежина утюги и подпилки; Жучкина топоры и долота, столь необходимые в сельском быту; жаль, что недоставало здесь только кос и серпов, каковые вывозятся нам из австрийской провинции Штейермарка.— Торговлей кос этих прославились города Рыльска (Курской губернии) два купеческих дома: Соловьевы и Филимоновы.

В том же 1837 году августа 16 дня завод был осчастливлен посещением великой княгини Елены Павловны.— Ее императорское высочество соизволила оставить на память посещения своего пистолет, в работе которого изволила лично участвовать; каковой хранится ныне в арсенале.

Вскоре за августейшей супругой своей прибыл в Тулу 18 сентября главный начальник артиллерии и завода, покойный великий князь Михаил Павлович, где три дня подробно изволил осматривать устраивающийся завод, лично благодарил П. Д. Захаву за устройство паровой машины, а для поощрения оружейников в работе оставил собственноручно кованный им ружейный ствол; осаженное в ложу ружье это поставлено командиром Сиверсом для хранения в арсенал.

В 16 день февраля следующего 1838 года на место генерал-адъютанта Храповицкого, по представлению его императорского высочества, главного начальника, был высочайше определен вновь инспектором всех оружейных заводов многоуважаемый и всеми любимый начальник Евстафий Евстафьевич Штаден.

В 1839 году завод понес чувствительнейшую потерю: незабвенный Павел Дмитриевич Захаво, неутомимо действовавший к выработыванию оружия на устроенной им паровой машине и *Демидовской* мельнице, равно как по гидравлическому сооружению нового завода, от безмерных усилий так расстроил свое здоровье, что впал в тяжкую болезнь и почил на службе, от многолетних и многополезных трудов своих; — скончался на заводе в 19-й день ноября 1839 года.

В том же 1839 году все казенные засеки с 3¹/₂ тысячами душ крестьян (в Калужской губернии, Перемышльского, Лихвинского и Козельского уездов; в Тульской губернии — Веневского, Тульского и Богородицкого), более 100 лет бывшие за Тульским оружейным заводом, по высочайшему повелению отошли в ведение министерства государственных имуществ (см. царство растений) при первом председателе Тульской палаты государственных имуществ действ. ст. советнике Дм. Павл. Левшине.

Наступивший голодный 1840-й год грозил общим бедствием всем жителям ору-

жейного сословия, но благоразумной предупредительностью инспектора Штадена наполнены уже были все запасные магазины хлебом, и таким вечно памятным благодеянием примерного начальника во время бедствия отвращена была гибель голода.— Оружейники получали хлеб с небольшим по рублю за пуд, тогда как все остальные тульские граждане получали его по 5 рублей за пуд.— К общему сожалению, в начале того же года завод потерял командира своего, артиллерии генерал-майора А. И. Сиверса, после тяжелой болезни скончавшегося в 16-й день февраля 1840 года.— По кончине Сиверса завод поступил под начальство помощника его, артиллерии полковника Михаила Ивановича Тагайчина; место же Захавы занял английский механик Иван Родионович Сно-Трувелер.

Назначенный высочайшим приказом новый командир завода, артиллерии полковник Николай Иванович Лазаревич, прибыл в Тулу 25 января 1841 года.— При нем вся организация завода получила деятельнейшее направление; инспектор же Штаден, в следующем году, всемиловитейше пожалован в генералы от артиллерии.

При Н. И. Лазаревиче завод был осчастливлен 1841 года октября 13 дня прибытием ее высочества великой княгини Елены Павловны со старшей дочерью, покойной великой княжной Марией Михайловной, путешествовавших из полуденного края и Крыма.

Наконец с началом 1843 года настала счастливая эпоха окончания главных построек на новом заводе, продолжавшихся около 8 лет. Здесь прославили себя по сооружению гражданской архитектуры господа архитекторы: Иван Осипович Вальпередо и Михаил Алексеевич Михайлов; гидротехническими сооружениями — инженер путей сообщения полковник Эрнест Иванович Шуберский (ныне генерал-майор); механическим сооружением машин — английский механик Иван Родионович Сно-Трувелер.— В 16-й день февраля 1843 года было торжественное открытие работ этого русского Бирмингема — первого оружейного завода в государстве, где архипастырь наш, преосвященный Дамаскин, вначале всего воздав благодарение Господу Сил, окропил святой водой все механические здания, в присутствии тульского военного губернатора князя Андрея Михайловича Голицына, артиллерии генерал-лейтенанта Николая Степановича Вельяминова и прочих членов строительной комиссии, командира завода Н. И. Лазаревича, инспектора генерала от артиллерии Евстафия Евстафьевича Штадена, начальствовавшего открытием сим.— И вот могучим словом Царя возник он из пепла, как феникс, обновленный красотой каменных твердынь! Чугун, железо и медь везде заменили временность долговечностью; статика и гидродинамика увеличили и распространили силы вращательных своих движений, дивное устройство машин показало всем посетителям необыкновенные действия нашего русского Бирмингема, обреченного на вечную славу ковать сибирскую сталь в победоносное оружие Всероссийскому воинству,— перуны Русскому Громовержцу.

Переходя из одной механической мастерской в другую, нельзя без изумления смотреть на эти дивные силы природы, ума и рук человеческих: легкий шум воды, движущей полувершковым падением своим огромные чугунные колеса,— удары тяжелых молотов, колеблющие основание стен и землю,— резкий визг точильных камней, сыплющих искры огня, всюду вращательное движение колес,— сильным огнем пылающие доменные печи и горны, раздуваемые воющими вентиляторами (вместо меховых).— Невнятный вопль, гул, крик, озабоченные лица оружейников, ловко бегающих с раскаленным железом, выходящим потом из прокатных машин огненными полосами.— Все это вместе изумляет, поражает, заставляет забыть и невольно думать, что сам Вулкан основал здесь царство свое и кует молниеносные стрелы для поражения врагов России.

Великолепный новый завод этот, с новыми плотинами, каменными шлюзами, цепным мостом (над верхним шлюзом Упы в 50 сажень длины, для пешего сообщения

завода с Чулковской слободой) и всеми механическими мастерскими, чугунными решетками набережной, Красным и Кривым мостом, стал государству более двух миллионов рублей серебром.

В том же 1843 году командир Н. И. Лазаревич за отличную службу был высочайше пожалован (11 апреля) в генерал-майоры, а инспектор всех оружейных заводов Евстафий Евстафьевич Штаден в 24-й день ноября высочайше награжден был орденом Белого орла, при совершении пятидесятилетнего юбилея его государственной службы.— Наконец долговременная служба, раны и преклонные лета понудили многоуважаемого начальника Штадена просить об отставке; вследствие чего, в 4-й день декабря 1844 года, согласно прошению, он был всемилостивейше уволен от занимаемой должности, с состоянием по артиллерии.— Вслед за сим, в первый день нового 1845 года, был награжден орденом св. благоверного князя Александра Невского; последней царской наградой покойный Штаден украсился один только раз, 28 января, в день рождения его императорского высочества покойного великого князя Михаила Павловича, его всегдашнего благодетеля и августейшего начальника.— К общему всех прискорбию, Евстафий Евстафьевич скончался в Туле 5 февраля 1845 года, в собственном своем доме (на Дворянской улице).

Место генерала от артиллерии Штадена по высочайшему повелению, в конце 1844 года, заступил артиллерии генерал-лейтенант Александр Павлович Смагин.

В правление заводом Н. И. Лазаревича предписано высшим начальством (1846 г.) при ружейных замках оставить работу кремневых курков и полок, заменив их ударным курком с пистонами.

Высочайшим приказом в 20-й день февраля 1847 года на место генерал-майора Лазаревича назначен артиллерии генерал-майор Герман Романович Самсон; при нем в 30-й день сентября 1847 года закрыта комиссия о построении нового оружейного завода, со славой и государственной пользой исполнив свое назначение и августейшую волю государя императора. Вообще тульский новый завод, по видимому устройству машин своих, заслуживает подробного, особого описания.

СОСЛОВИЕ ОРУЖЕЙНЫХ МАСТЕРОВ

Каждого цеха оружейники, для хранения казенных материалов, приписных и задельных денег, ежегодно избирают *старосту*; смотреть же за порядком и исправностью работ каждая артель избирает *старшину* и надзирателя, или *браковщика* с помощниками их.— За сим, для совещания о пользах и нуждах общественных и для постановления приговоров, все пять цехов вместе избирают, по большинству голосов, из среды своей, до 60 *сотенных* (старшин), утверждаемых командиром завода.— *Сотенные* эти распределяются потом к разным присяжным должностям.

По полицейской части в домашних делах оружейники судятся своим словесным судом и заводским полицмейстером или помощником его; в делах же общественных и тяжёбных — гражданских, подлежат суду цехового разряда, а на неправые решения его приносят жалобы оружейному правлению и наконец правительствующему Сенату.— По уголовным делам и большим преступлениям судятся они военным судом.— Оружейникам даны все права мещан и цеховых; разрешено торговать собственными изделиями, отпускать их за границу и по капиталам входить в права купеческих гильдий, как сказано выше; позволено заводить частные фабрики и брать из казны железо (до 25 тысяч пудов ежегодно), сталь, уголь, и проч., по той цене, во что обходится самому казенному заводу, с прибавкой только 10 процентов.— Запрещено оружейникам употреблять к заводу чернорабочими (для чего употребляются государственные крестьяне) или отлучать от жилищ без добровольного их согласия.— Они

избавлены от всякого постоя и городских повинностей, исключая живущих на городской стороне и тех, которые имеют частные фабрики и промыслы, или ставят вместо себя работников на оружейном заводе, или получают от домов более 50 рублей ежегодного дохода (Указы 22 марта 1821 года; 19 мая 1823 года и 27 мая 1831 года).— Равномерно избавлены от рекрутской повинности, податей и всякого рода складочных денег.— Пришел в бедность или расстроился от пожаров, получают безвозмездно строевой лес из казенных засек или за указные проценты заимообразное денежное вспомоществование; в неурожайные годы пользуются по самой умеренной цене мукой и крупой из заводских запасных хлебных магазинов.— Имеют свою собственную пожарную команду; для больных военный госпиталь и аптеку (за арсеналом); для престарелых и увечных богадельню; для мальчиков — ланкастерскую школу (более 300 воспитанников).— При столь обширных правах и преимуществах оружейники не пользуются только правом перехода в другие состояния, стеснены несколько в свободных занятиях своих, прежде нежели обучатся оружейному делу, равно как правом отлучек от завода и перемены места жительства в самом городе Туле (Матер. статист. С.-пб. 1841 года, стат. тульского помещика Басил. Иван. Линки).

Права и преимущества, высочайше дарованные тульскому оружейному обществу в бозе почившими монархами и ныне на благоденствие России царствующим государем императором, не могли долго оставаться без благоприятных следствий, мануфактурного успеха, от них ожидаемого.— Ныне уже есть в Туле до сорока фабрик и заводов, принадлежащих только оружейникам.— Фабрики эти снабжают всю Россию, все отрасли промышленности и все сословия государства металлическими (медными, стальными, железными и чугунными) изделиями.

Оружейное производство и завод гг. Демидовых возвели Тулу на степень провинциального города и менее нежели в полвека сделали одним из важнейших губернских городов в России и поставили Тулу на почетное место значительной известности.— Оружейному заводу своему обязана Тула быстрым приращением народонаселения деятельного и промышленного, лучшими частными фабриками и заводами (одной из прибыльных статей внутренней торговли).— Оружейный завод и Тула стали синонимами в государстве; так что с именем Тулы столь же не различна мысль об оружейном заводе, как с Нижним Новгородом ярмарка, с Кронштадтом или Севастополем Балтийский или Черноморский флот.— Тульским оружейникам обязано государство распространением железного и чугунного дела повсюду: на севере в Олонце и Систербекке; на востоке — в Екатеринбурге, в Ижеве и многими заводами Пермской и Вятской губернии, равно как в знаменитом селе Павлове на Оке между Муромом и Нижним Новгородом; наконец заводами на речке Гусе близ Оки, где сходятся губернии: Тамбовская, Рязанская, Владимирская и Нижегородская; Дугенским и Мышенским заводами Калужской губернии, и многими другими, число коих простирается в государстве более, чем сто чугунных, железных и медных заводов.— Открытием самых благородных металлов на Урале и Сибири государство обязано нашим знаменитым оружейникам.

По 1-е августа 1847 года при Тульском оружейном заводе считалось мастеровых оружейников ствольного цеха 2053; замочного цеха 2066; приборного цеха 940; цеха белого оружия 2430; ложевого цеха 1215; стальной артели 116; итого 9270 человек, из них на заводе работающих мастеровых было 3660; учеников их 856; всего на заводе в действительной работе 4516 человек. Мужского и женского пола всех вообще тульских оружейников (1847 г.) более 19 тысяч душ. По первой ревизии 1722 года всех оружейников было 2560 душ мужского пола; по третьей ревизии 1762 года нашлось 4443; по четвертой 1782 года, 5152 души мужского пола, а с женским около 10½ тысяч, не включая 600 оружейников, вышедших в купцы.— Судя по таковой градации, можно безошибочно положить народонаселение оружейного сословия на-

растающим вдвое в 75 лет, тогда как прочие сословия доходят до сего в 86 лет.— Сословие тульских оружейных мастеров, по всей справедливости, имеет предпочтительное место между гражданами государства.— Отечественная война 1812 года усвоила им бессмертную славу.— Государь император, в изъявление своего монаршего благоволения, всемилостивейшей грамотой назвал оружейников *верным* и *достойным* сословием. Многие из сословия сего носят на шее, на орденских лентах знаки монаршей милости за отличную свою службу и государственную пользу; поименуем здесь только высочайше жалованных двумя медалями — серебряной и золотой: Максим Иванович Надежин, Гавриил Максимович Лялин, Николай Иванович Ситников, Аким Прокофьевич Романцов, Петр Корнеевич Гольтяков, Павел Матвеевич Ефимов, Павел Алексеевич Лялин и Яков Васильевич Лялин; число имеющих на шее серебряные медали несравненно более.

Виктор Греков
(г. Белев)

**ПРОСВЕЩЕНИЕ:
ОТ ЧАСТНОГО, СЕМЕЙНОГО —
К ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОМУ**

*«...Во-первых, училища, во-вторых, училища,
в-третьих — училища!»*

Из документа о просвещении в Тульской губернии
за 1896—1897 учебный год.

Божий ли промысел, немотивированное ли ничем иным упорство, как только традиционной для обывателей Белева страстью преобразовывать к лучшему и прекрасному, по только белевичи были поразительно неутомимы в обустройстве своего города. Воистину, город был их детище от начала его славного века.

Обывателям, в их самозабвенном упорстве преображать, чиновники от правительства, власти губернские то и дело ставили ограничители инициативе снизу, препоны и препятствия, занижая планку на шкале общечеловеческих ценностей. Они же, обыватели, одержимые, исполненные созидательного духа, в ответ всякий раз опять и опять подымали планку все выше, выше, ну хотя бы и еще на одну отметину.

Так было и в делах просвещения в уезде в целом, и в городе в частности, от дней зарождения и постановки образования. То есть от начала обучения детей дворянских в семье — азы домашнего воспитания на лучших образцах XVIII столетия. Так характерно проявилось в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века.

В этой связи прелюбопытно проследить судьбу прогимназии по отчетам Белевского уездного земского собрания.

История ее изложена в докладе председателя уездной земской управы Алексея Федоровича Бортфельда. Он, в частности, уведомляет, что в отчете от 3 сентября 1868 года директор училищ Тульской губернии вынес свое предложение 29 сентября 1867 года, за № 950, в котором просил Управу высказать свое мнение относительно преобразования белевского уездного училища. Причем выдвинул альтернативу: или «возвысить учебный курс до уровня прогимназии, или упростить учебные программы до степени двухклассной школы». Но и назревало худшее: «...наконец присоединить к предметам преподавания обучения нужным ремеслам».

И что же в Белене? Белевский совет училища высказался за безусловное преобразование училища в прогимназию. Однако, кстати, было указано, «что для этого со стороны Земства до 6 тысяч рублей ежегодно».

Это последнее обстоятельство заставило прибегнуть к необходимости расширения границ охвата прогимназией образованием и детей соседних уездов. С этой целью Управа связывалась с Козельским, Волховским, Лихвинским и Одоевским земствами, «предлагая им принять соразмерное участие в содержании прогимназии». Но предложение это не нашло в соседних уездах поддержки.

Тогда Земское собрание заслушало письменное заявление по этому поводу глас-

ного Н. Г. Клингена. Он принимал во внимание то, что пока из-за недостатка средств учреждение в Белеве прогимназии недоступно. К этому надо отнестись с пониманием. Но принимая во внимание то, что город Белев есть на самом деле лучший в Тульской губернии по своему местному положению и по численности жителей, нельзя довольствоваться лишь «...простым училищем». Говорилось в заявлении, что «...город, по крайней мере, нуждается в таком образовательном заведении, в котором дети небогатых родителей могли бы готовиться к 4 классу гимназии».

Далее гласный Клинген, основываясь на примерах земств Елецкого, Обоянского и Богодуховского уездов, предлагал ходатайствовать о введении в Белевском уездном училище дополнительных курсов латинского, греческого и одного из новейших языков, а также дополнительных курсов алгебры и естественной истории.

Но и это предложение не было принято с удовлетворением, мнения разделились, и восторжествовало одно: «Преобразование уездного училища отложить».

Прошло более шести лет, к этому вопросу возвратились, и было принято постановление, в котором, в частности, говорилось следующее: «...определить, в случае устройства прогимназии, по одной тысяче рублей в пособие казне на содержание заведения».

Но вышла новая заминка. Доклад А. Ф. Бортфельда отдельной строкой уведомляет земство в следующем. «Из переписки Белевского городского Головы с уездною Управою в 1874 г. видно, что попечитель Московского учебного округа князь Мещерский не нашел возможным уступить здание уездного училища под помещение прогимназии и Земству предоставлялось купить или нанять для этого особый дом, с приспособлением его на земские средства».

Требование это, при всей его неожиданности, казалось, однако, настолько удобным и исполнимым, что Земское Собрание без особого затруднения решилось пожертвовать своим запасным капиталом, и 15 сентября 1875 года определило: израсходовать на покупку и приспособление дома для прогимназии до пяти тысяч рублей. Дом куплен 4 сентября 1877 года, и в то самое время, когда в конторе нотариуса еще писалась купчая крепость на приобретаемое здание, в нем уже несколько дней производились экзамены вновь поступающим ученикам. Прогимназия фактически была открыта».

Никакие препоны, внутренние и внешние, вплоть до Министерства просвещения, не смогли остановить устремленность белевской общественности открыть и еще одно учебное заведение на самом гребне двадцатого столетия. Речь — о епархиальном женском училище.

Но прежде чем изложить суть дела по порядку, надлежит сделать некоторую оговорку. К началу XX века в Белеве не было ни одного среднего учебного заведения. Епархиальные училища на тот момент пользовались большой популярностью, и неудивительно, в нашем случае, что к тому времени Тульское епархиальное училище было переполнено. К тому же оно было чрезвычайно тесно, а расширение его было невозможно, так как усадебное его местоположение было слишком ограничено для расширения. В конце концов стало ясно, что необходимо открыть второе училище.

На собрании благочинных Тульской епархии 27 января 1899 года преосвященный Питирим епископ Тульский и Белевский, предложил ознаменовать приближающийся столетний юбилей епархии открытием второго женского епархиального училища. По поручению епископа выступил на собрании настоятель Воскресенской церкви города Белева М. Ф. Бурцев с заявлением о возможности устроить второе училище без особых затрат.

Он предлагал открыть его в зданиях Белевского Крестовоздвиженского монастыря. Благочинные охотно пошли навстречу, отметив воспитательное значение местных красот природы. Разработку проекта поручили протоиерею Бурцеву.

Однако как только он приступил к работе, стало ясно, что проект в первоначаль-

ном варианте неосуществим, так как монастырь не мог уступить своих зданий, где, собственно, и предполагалось разместить епархиальное училище. В одном из них размещалась двухклассная монастырская школа, а вот другое еще не вполне перешло во владение монастыря.

Таким образом, обнаружались так называемые подводные рифы в предполагаемом свободном якобы плавании по просторам российского просвещения. Отчаялись белевичи? Протоиерей Бурцев отступил и ретировался восвояси? Нет! Михаил Федорович предложил новый проект. Естественно, он настаивал открыть новое учебное заведение непременно в Белеве и находил к тому немало достоинств. Недорогое содержание, относительно расходов в Туле, здоровый климат в городе на Оке. Он предложил открыть училище в зданиях купцов Сорокиных. Этот проект рассматривался вначале на совете Тульского епархиального женского училища, затем на XX Епархиальном съезде. На съезде было принято решение открыть в Белеве училище, для чего «...на покупку дома купцов Сорокиных ассигновать по 1000 рублей из прибылей свечного завода и страховой кассы духовенства».

Но тут преосвященный Питирим признал это решение «очень поспешным» и не утвердил его. И начались новые мытарства.

Бурцев обратился за помощью в Белевскую городскую думу, призвав ее помочь духовенству разрешить бесплатно пользоваться водопроводом, чтобы уменьшить денежные расходы на содержание училища. И что же? Вышел очередной казус? Нисколько: Белевская дума тотчас положительно решила поставленный Бурцевым вопрос.

После этого было назначено две комиссии; и вот 12 октября 1899 года был созван XXI епархиальный съезд, где и были оглашены комиссией сложившиеся обстоятельства с учреждением в Белеве училища.

Съезд проходил, однако, под председательством М. Ф. Бурцева, и оппозиция в этой связи активно себя не проявляла. Съезд единогласно постановил: «...усерднейше просить своего Милостивейшего Архипастыря и Отца, Преосвященного Питирима, Епископа Тульского и Белевского, ходатайствовать пред Св. Синодом о скорейшем открытии второго епархиального женского училища в г. Белеве в память 100-летнего существования Тульской епархии, как втором кафедральном городе сей епархии, имеющем Мужское Духовное училище, могущее давать для епархиального училища преподавателей с академическим образованием из среды учащихся в нем, и при том, в таком городе, где и самое устройство нового училища обойдется духовенству в два с половиной раза дешевле, чем в г. Туле, и содержание учащихся будет обходиться дешевле, чем в Туле, а гигиенические условия без всякого сравнения лучше, чем в Туле, а когда будет Св. Синодом уважено это ходатайство, немедленно открыть в новом училище I класс, чтобы для девочек не пропал задаром целый учебный год, и чтобы в будущем учебном году не было еще большего наплыва желающих поступить и этот класс, чем сколько их было в текущем году».

Преосвященный Питирим в своей резолюции писал: «Утверждается! Благослови, Господи, доброе начало; благослови, Господи, и ... депутатов съезда! В Консistorии без малейшего промедления изготовить от меня проект представления Святейшему Синоду».

В Св. Синоде дело подвигалось в общем успешно, хотя в конце ноября — начале декабря 1899 г. потребовалась новая командировка в С.-Петербург (где уже был ранее Бурцев по этому же вопросу) — протоиереев Никольского и Боголюбова. Наконец, 14 июня 1900 года Преосвященный Питирим получил от В. К. Саблера телеграмму: «Поздравляю. Святейший Синод благословил открытие второго женского епархиального училища в Белеве».

Тогда же он сообщил об этом прот. Бурцеву, а 29 января назначил и день открытия нового училища: 1 февраля 1900 года.

О многом в плоскости нашего разговора об учебных заведениях в Белеве говорит тот факт, что к этой теме «Тульские епархиальные ведомости» обратились в своих изданиях в 1862 году и поведали яркую событиями историю. Полагаем, что в показе этой необыкновенной истории пристойно было бы перепечатать лаконично изложенный материал полностью и без комментариев.

БЕЛЕВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ

От основания Белевского духовного училища под именем Русской школы протекло не более ста лет. Но и в этот небольшой промежуток времени история училища представляет уже пять особых периодов, обозначившихся пятью разными наименованиями училища.

В первый период своего существования оно является под именем Белевской русской школы (1761—1767 гг.); второй период — русская школа преобразуется в семинарию, где подобно другим семинариям преподается уже латинский язык (1766—1782 гг.); в третий — Белевская семинария, при незначительных внутренних преобразованиях, продолжает свое существование под именем училища (1783—1788 гг.). Новейшие преобразования духовных училищ начинают собою четвертый период существования под именем Белевских духовных, уездного и приходского училищ (1815—1852 гг.), и пятый — под настоящим именем Белевского духовного училища с 1852 года до настоящего времени.

БЕЛЕВСКАЯ РУССКАЯ ШКОЛА (1761—1767 гг.)

Белевская русская школа получила свое начало в 1761 году с поступления на управление Крутицкою епархию, которой принадлежал Белев, архиепископа Амвросия Зертис-Каменского. По крайней мере, прежде сего времени не упоминается нигде об ней в бумагах Спасо-Преображенского монастыря, при котором она находилась.

Настоятелем сего монастыря и вместе присутствующим Крутицкой консистории в это время был архимандрит Пустил. Сей достойный муж, как видно, был один из главных сотрудников пресвященного Амвросия по устройству русских школ во всей обширной Крутицкой епархии.

...В первый раз о Белевской русской школе упоминается в приказе арх. Иустина, данном монастырской конторе, в бытность его личным присутствующим в Крутицкой консистории, следственно, прежде 1762 года.

...Первоначальное помещение Белевской школы было, вероятно, в самом монастыре. На это наводит отчасти выражение приказа архимандрита Иустина, чтобы ребятам не жить при монахах, но на квартирах, и оттуда ходить в русскую школу, т.е. вероятно, в монастырь.

Но в 1762 году вследствие предписания Крутицкой духовной консистории по общему приговору Белевских градских и уездных священно-церковнослужителей, были произведены два сбора на устройство школьных покоев.

На собранную таким образом сумму, которой оказалось 288 рубля 65 копеек, построены были внутри г. Белева пять школьных покоев из взятых у монастыря безденежно пяти срубов; четыре покоя были вверху и пятый внизу.

Школа просуществовала до 1767 года. Последовало решение и о продаже школьных покоев для учащихся. Последовало новое реформирование в просвещении духовном.

БЕЛЕВСКАЯ СЕМИНАРИЯ

(1776—1782 гг.)

Спустя лет 8 по уничтожению русской школы, появляется при Белевском Спасо-Преображенском монастыре Белевская семинария. Но в каком именно году была учреждена, этого не видно из бумаг монастыря. В указах 1776 года об ней говорится уже как об учрежденной. Указы сии писаны из Крутицкой консистории на имя игумена Белевского монастыря Амвросия.

...Учеников в семинарии было — до 50 человек. В 1781 году управление Крутицкой епархии поручено было преосвященному Амвросию (Подобедову). Белевский игумен Амвросий обращается к сему архипастырю с просьбой о выдаче ему книги для записи прихода и расхода суммы, жертвующей от доброхотных дателей на содержание обучающихся в Белевской семинарии учеников. К сему времени число учащихся в Белевской семинарии значительно умножилось (150 человек).

Этими сведениями оканчивается период существования Белевского духовного училища при Белевском Спасо-Преображенском монастыре под именем Белевской семинарии.

В следующем за тем 1783 году наименование Белевской семинарии заменяется наименованием Белевского училища, а игумен Амвросий в во всех бумагах именуется смотрителем сего училища.

БЕЛЕВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЕЗДНОЕ УЧИЛИЩЕ

Белевское училище (1783—1788 гг.)

В жизнеописании преосвященного Амвросия (Подобедова), помещенном а «Страннике» (1860 г. за май), сказано, что он, поступив на Крутицкую епархию, прежде всего озаботился устройством Крутицкой семинарии, потом занялся учреждением низших училищ в своей епархии, и открыл их в Боровском и Белевском монастырях. Ближайшим поводом к открытию Белевского училища послужила, как видно, упомянутая просьба Белевского игумена Амвросия о выдаче ему книги для Белевской семинарии. И из просьбы видно, что есть доброхотные датели, усердствующие к делу образования духовного юношества; следовательно, есть и средства к надлежащему устройству училища.

И вот с января 1783 года открывается при Белевском монастыре — Белевское училище, и поручается смотрению Белевского игумена Амвросия. Служившие в бывшей семинарии учителя — Успенский дьячок Степан Васильев и Рождественский священник Петр Матвеев, определяются один за другим в учителя Белевского училища, первый — информатором, второй — в высший класс.

Учителем низшего класса определяется Афанасьевский дьякон Ксенофонт Федоров. Впрочем, поступившие из бывшей семинарии учителя, дьячок Степан Васильев и священник Петр Матвеев, не прослужили и года в училище. Третий же учитель, Ксенофонт Федоров, бывший сперва дьяконом, а с 1786 года священником при Афанасие-Кирилловской церкви, учительствовал во все время существования Белевского училища. На место второго учителя, священника Петра Матвеева, определен был уволенный от дел из межевой канцелярии канцелярист Василий Беляев.

В 1785 году учителем высшего грамматического класса назначен был священник Мироносицкой церкви Иоанн Скалковский (бывший впоследствии протоиереем Белевского духовного правления присутствующим и благочинным).

Учителем нотного пения был сперва Белевского Крестовоздвиженского монастыря священник Николай Петров; потом на его место определен переведенный из Лютикова Троицкого монастыря в Белевский — дьякон Адриан.

...В 1787 году в высшем классе считалось 46 человек. Обучавшиеся были дети священнослужителей как города Белева с уездом, так и других городов Крутицкой епархии. Все ученики содержались на своем коште.

...В половине 1788 года Крутицкая епархия была закрыта и г. Белев причислен к Коломенской епархии. С этим вместе закрывается и Белевское училище.

...Так закончился третий период существования Белевского училища при Спасо-Преображенском монастыре. С сего времени до 1815 года, то есть, до закрытия духовных училищ, после преобразования их по воле Благочестивейшего Государя императора Александра I, в Белеве не было духовного училища, но все священноцерковнослужители г. Белева и уездные должны были представлять детей своих для обучения сперва в Коломенскую семинарию, потом, по закрытии Коломенской епархии — в Тульскую.

БЕЛЕВСКИЕ ДУХОВНЫЕ, УЕЗДНОЕ И ПРИХОДСКОЕ УЧИЛИЩА (1815—1852 гг.)

После преобразований духовных училищ в царствование императора Александра I, Белевское училище открыто снова, под именем «Белевских духовных, уездного и приходского училищ», при Спасо-Преображенском монастыре в 1815 году, в одно время с такими же училищами — Тульскими, Новосильскими и Епифанскими.

...Открытие белевских духовных училищ, с приличным духовным торжеством, последовало 30 января 1815 года, в присутствии местного духовенства, гражданских чинов и граждан города Белева.

...Всех учеников, перемещенных в училище на первый раз из Тулы для продолжения учения, в 1815 году значится по списку 163, а именно: 46 — Белевского уезда, 59 — Одоевского и 68 — Чернского. Детей, представляемых из домов, сперва дозволено было принимать в училища во всякое время до сентября 1815 года; с сентября же в одно определенное время на основании правил устава духовных училищ за несвоевременное представление детей в училища взыскиваем был с родителей денежный штраф, сперва по 5 рублей с каждого лица, потом со священников по 5 рублей, с диаконов по 2 рубля, с причетников по 1 рублю.

...*Помещения училищ.* Белевские училища, с самого открытия оных, помещались нераздельно в одном здании, находящемся на восточной стороне Белевского Спасо-преображенского монастыря.

После 1842 года классы уездного училища перемещены в другое здание, находящееся на западной стороне монастыря, рядом с церковью Св. Алексия митрополита Московского.

Причиной к такому разделению классов послужила, с одной стороны теснота помещения, по причине умножившегося числа учеников в уездном училище, а с другой стороны и то еще неудобство, что ученики сего училища всегда хаживали чрез классы приходского училища, что мешало занятиям в сих классах.

Самая дорожка и крыльцо, по которым ходили ученики, были всегда опасны для них, первая тем, что была очень узка и лежала над крутым спуском к р. Оке, а второе тем, что было довольно высоко и состояло почти из одной лестницы, устроенной над тем же спуском к реке.

Заметив сии неудобства, семинарское правление испросило у Св. Синода разрешение на постройку другого здания для классов уездного училища на счет экономических сумм училища, а ход учеников в остающиеся классы приходского училища предписало немедленно обезопасить устройством для них нового входа, с монастырского двора».

Таким образом, русская школа действовала с 1761 по 1767 год; духовная семинария, соответственно, с 1776 по 1782 год, училище, в свою очередь, с 1783 по 1788 год, а духовное (уездное и приходское) — с 1815 по 1852 г.

Примечательно, что до открытия вышеупомянутого Белевского женского епархиального училища, в Белеве действовало Духовное училище (для мальчиков) вплоть до 1917 года, и здание его было на редкость заметным по архитектуре в ряду других городских зданий.

Как повествуют о том «Тульские епархиальные ведомости» за 1899 год (№ 121), для этого училища был приобретен дом умершего купца Василия Сергеевича Сорокина, в 1896 году. Позднее при новом училищном здании был сооружен храм трех святителей, с больницей для учащихся, на месте существовавшего храма во имя святых Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Храм был уничтожен опустошительным пожаром, за сто лет, как сообщают «Ведомости», до этого года. То есть, по видимому, пожаром 1719 года.

В это училище были переведены учащиеся из тесного монастырского здания.

1 октября 1874 года в Белеве было открыто и еще одно учебное заведение — Школа грамотности при Крестовоздвиженском девичьем монастыре, по благословию высокопрпосвященнейшего архиепископа Никандра. Об этом было сообщено «Тульскими епархиальными ведомостями» в номере от 15 декабря 1874 года (стр. 453).

Школа разместилась в монастырской гостинице, выходящей фасадом на улицу. Внешняя обстановка школы, — как писали «Ведомости», — «не оставляет желать ничего лучшего. Можно сказать, не лишена даже некоторого комфорта. Религиозно-нравственная и научная обстановка школьного дела подает еще более отрядные надежды... В настоящее время уже набралось 40 учениц, преимущественно из детей духовенства... Присутствовавший при открытии школы г. инспектор народных училищ барон Н. К. Нольде прочитал сочиненные им стихи».

Относительно светского образования вопрос решался сложнее, вплоть до 1861 года, когда было отменено крепостное право. С этого времени в России широко осваивается программа развития образования.

В 1862 году было в Белеве и уезде 62 школы. Земство значительно раздвигает рамки образования. В 1872 году правительство утверждает новый Устав городских училищ. Осенью того же года в Белеве открывается двухклассное городское училище им. В. А. Жуковского. В 1907 г. при училище открыто ремесленное отделение по слесарно-кузнечному и столярно-токарному специальностям.

На гребне нового тысячелетия белевские граждане ощутили необходимость открытия для их детей уже не прогимназии, а гимназии. А само министерство, в свою очередь, предложило для Белева разработать проект профессиональной школы. Надо отметить, что этот проект поддержали и некоторые представители белевского земства. Так, в частности, председатель земской Управы князь Львов в своем докладе на земском собрании 3 февраля 1889 года настаивал на необходимости открытия промышленно-технического училища, однако, не среднего, а низшего, где велось бы обучение производству простых сельскохозяйственных машин — сеялок, молотилок, плугов и т. п. Это предложение кн. Львова вызвало серьезные возражения со стороны различных представителей слоев населения Белева.

На этом собрании была создана комиссия от земства и города для разрешения всех вопросов, связанных с обучением молодежи.

После отказа Министерства народного просвещения учредить в Белеве классическую гимназию, комиссия, спустя несколько лет, возбудила новое ходатайство об открытии в городе реального училища.

Но реальное училище отличалось от классической гимназии существенно, и тем, что в нем отсутствовало преподавание древних языков, греческого и латинского.

Здесь главное внимание уделялось изучению математики, физики, естествознания, иностранных языков — французского, немецкого, а также и черчения.

Причем реальные училища не открывали доступа в университет. По окончании их можно было поступить в технические высшие учебные заведения.

Министерство просвещения по-прежнему настаивало на профессиональной школе.

Наконец, определились окончательно в Белеве, в 1902 году, в связи с исполнившимся пятидесятилетием со дня смерти поэта В. А. Жуковского, комиссия из представителей города возбудила новое ходатайство об открытии в Белеве реального училища имени своего земляка, прославившего российскую землю.

Это ходатайство наконец было удовлетворено. Присвоение училищу имени поэта Жуковского состоялось 17 мая 1903 года. Реальное училище разрешено было открыть 1 июля 1903 года в составе двух младших классов с тем, чтобы в последующие годы открывать по одному классу, впредь до полного формирования училища в составе 6 классов и седьмого дополнительного.

В конце августа 1903 года было сделано сообщение о приемных экзаменах в первые два класса, назначенные на 1—2—4 сентября. Было подано 61 заявление. Вступительные экзамены выдержали 53 мальчика, из них 39 — были приняты в первый класс, а 14 — во второй.

6 сентября 1903 года начались классные занятия.

Учебный персонал в первый год состоял: из директора Э. В. Жадовского, преподавателя русского языка и истории К. А. Вознесенского, преподавательницы французского и немецкого языков А. Г. Соловцовой, преподавателя чистописания и рисования А. А. Пастухова, который одновременно состоял и библиотекарем училища.

К 1909 году здесь училось 218 учеников. В штате реального училища находилось 12 преподавателей с высшим образованием.

В те же годы открывается и действует прогимназия, которая в 1904 году преобразовывается в Белевскую женскую гимназию, и здесь вскоре насчитывается 276 учениц.

Проходят годы, и старое здание женской гимназии уже не вмещает всех желающих учиться.

В 1912 году Белевское Земское собрание ходатайствует перед Министерством просвещения о постройке нового здания женской прогимназии. Министерство изыскивает необходимую сумму средств на постройку здания. Гимназия открывается во вновь построенном здании на ул. Пушкина, — ныне школа № 4.

Одновременно открывается четырехклассная школа для мальчиков. Построена она была на средства купца Киселева. Таким образом, вплоть до 1917 года в Белеве действует 10 учебных заведений, и широкая сеть на селе — из церковно-приходских школ и школ грамоты.

Но слишком тяжок был путь образования в сельской местности, чтобы легковесно отнестись к этому факту ныне и обойти вниманием. Показательна в этом аспекте речь, произнесенная на юбилейном акте церковных школ Тульской епархии 13 декабря 1909 года членом Епархиального училищного совета, преподавателем Тульской духовной семинарии М. Н. Рудневым.

«При обсуждении школьной реформы 1828 г. начальное образование признано почти не существующим, — говорит М. Н. Руднев, — в частности, императором Николаем I в 1828 году был утвержден устав о приходских училищах, которые должны были открываться повсюду, где представляется к тому средства, для распространения первоначальных более или менее всякому нужных сведений между лицами в самых нижних состояниях. В 1836 году император, кроме того, возвратил право на существование школам грамоты в домах священно-церковнослужителей.

...После освобождения от крепостной зависимости, — говорит далее оратор, — крестьянин, призванный к личному участию в государственной и общественной жизни

ни, почувствовал спрос на грамоту... Продолжавшаяся в течение почти двух десятилетий в нашей губернии деятельность Земства по начальному образованию,— резонно замечает он,— как и вообще в России, оказалась не в состоянии удовлетворить постоянно возрастающему спросу на грамотность.

При пространстве в 27,205 кв. верст, при полуторамиллионном населении, при количестве детей школьного возраста более 200 000 душ обоего пола, в губернии к 13 июня 1884 года было лишь до 600 начальных школ разных наименований, т. е. приходилось: по одной школе на 45 кв. верст — на 2 500 душ населения, на 340 детей школьного возраста, и это тогда, когда в большинстве государств Западной Европы — за исключением Голландии и Бельгии — законодательным путем была установлена обязательность начального обучения; когда уже были объявлены законы об *обязательном* обучении мальчиков и девочек в Турции.

Во время таких и в силу таких обстоятельств 13 июня 1884 года державною волею императора Александра III были утверждены правила о церковно-приходских школах, которые призваны служить и борьбе с народным невежеством, как и земско-министерские начальные училища».

По состоянию на 1900 год исправно действовали школы грамот в Губине, в Астафьеве, Железнице, Беляеве, Черногрязке, сельце Гамове, в селе Бельмове, в Верхних Савинках и Семьюнове, в д. Кураково, Болтенках, в д. Таратухине, д. Башкине, в д. Бедринцах, с. Зайцевс, д. Александровке, сельце Игнатееве, в д. Малое Самолково, в д. Николаевке, в с. Каменке, в с. Лиховищи, в с. Ментелове, в селе Новые Дольцы в с. Фурсове, в с. Сгромки, в д. Кудеяровские Выселки и т.д.

Приходские школы работали в с. Погорелом, с. Песковатом, в с. Бельмове, с. Бакинс, с. Сухочева, с. Лабодине, с. Фурсове и в трех приходах ныне Арсеньенского района.

ГОСУДАРЕМ ЖАЛОВАННЫЕ ЗА УСЕРДИЕ

«Товар полюбится — ум расступится», «Не все с верою — ино и мерою», «Неправедная корысть впрок нейдет», «Купец — ловец; а на ловца и зверь бежит», «Дорого, да любо; дешево, да грубо».

Пословицам, поди, уж по два-три века, и каждая есть поэма,— но будто только что с языка остролова слетели они где-либо на веселом торжище, с пылу-жару: нате вам, пользуйтесь! Что ни пословица, то библейская притча — сестра родная, ей-богу!..

И не мудрено, и не случайно все это, потому что люди этого промысла, нареченные в древности гостями (гостями),— и на редкость интернациональны и легендарно патриотичны. Они, гости былинные,— и открыватели новых стран за границами — кордонами Отечества, и верные послы его, и радетели об отчете, жертвователи на благолепные строения городские во имя процветания православия.

Купеческое сословие — это нечто мистическое, и в то же время — это что-то очень земное: лампада и соха. Купечество — это вера, особенная религия.

Может быть, правы древние, поклонявшиеся богу Меркурию,— отдельно от всех,— именно своему покровителю?

Белевское купечество не знало усталости, прокладывая путь к не чуждым славянину рынкам торговли, международной значимости промыслом единым людей всех и всяких наций и вероисповеданий. Пробивали тропы сквозь дебри лесные, по горам-долам — к рынкам столиц, осваивали речные, а затем и морские дороги. Недаром же город их, Белев, как порт их приписки (говоря современным языком моряков),— стоял превечно несокрушимо на Оке-кормилице.

В этом отношении совершенно четко изложил суть происходившего на Оке в Белеве полтора века тому назад статистический сборник, издаваемый при Совете Ми-

нистерства внутренних дел Российской империи. В сборнике за 1842 год лаконично изложено:

«Белев лежит на трактах Киевском и Украинском, по левому, нагорному берегу Оки, под 53° 48' 17" северной широты и 55° 50' 26" восточной долготы, в 905 верстах от С.-Петербурга, 267 — от Москвы и 121 от Тулы...»

Отмечая живописные здания города, автор особо выделяет купеческие: «Из множества прекрасных частных зданий невольно обратят на себя внимание особенное дома купцов: Бунакова, Сорокина, Щеколдиной, Прохорова, Евстратова, Собининых...»

«...При императоре Павле I,— рассказывается далее,— и в начале прошлого царствования были в Белеве 22 дома первогильдейцев, которые торговали к портам балтийского моря».

Чем торговали? Традиционно пенькой, салом, конопляным маслом, хлебом, конопляным и льняным семенем.

О них здесь, в поречье, слагали пронзительно грустные и разудалые, несказанно печальные и озорные были, бывальщины и небывлицы, складывали народные песни; об их промысле ходили меж людей тароватых, удачливых, на редкость меткие пословицы. И что за прелесть эти пословицы, сказал бы, наверное, наш поэт, догадай к тому случай.

Какими путями-дорогами все это щедрое богатство разных окраин доставляется на прилавок городов провинции и столицы?

«...Прямо из Орловской и Черниговской губерний доставляется зимою в Зубцов, а от гуда, по вскрытии рек, Вышневолоцкою системою к С.-Петербургскому порту... Только Орлу уступает Белев в обширной торговле конопляным маслом. Одна половина его, приобретенная на Свенской ярмарке (Орловской губернии Брянского уезда) и в ново учрежденном городе Сухиничах (Калужской губернии, недалеко от Козельска) идет до С.-Петербурга; другую половину, сливаемую в Белеве, Ока приносит на Московские рынки».

Тем, что Белев в свое время считался первым после губернского, и не только по обороту капитала, но и по живописному его местоположению на крутой Оки, а также красотой построек город обязан в первую очередь купцам. Во всех статистических данных, за 1841, 1852, 1855, 1856 и поздних, в очерках писателей, краеведов и других авторов он ставился в ряд образцовых, богато украшенных, культурных, непременно с театральными подмостками и благолепием парков, а в Белеве — даже и бульваром на столичный манер.

По существу последнего обстоятельства мы находим следующее: «Прекрасный Белевский бульвар всегда сух, всегда чист и в порядке... Среди бульвара триумфальные ворота, под которыми, в 1837 году, здешние жители, на богатом, серебряном блюде поднесли русскую хлеб и соль, именитому белевскому уроженцу — В. А. Жуковскому».

В другом месте говорится о достоинствах города как раз в связи с вкладом в его процветание — почтеннейших людей коммерции. «Белев первый между уездными городами Тульской губернии не только по числу зданий и обывателей, не только по обширным торгам и богатству купечества, *которое в образовании нисколько не уступает Тульскому* — он первый по удобствам и приятности общежития».

Бесспорно, как отмечалось выше, в главе о правах, в основе достоинств и великолепия былого (конец XVIII и XIX вв.) пребывает от дней его начальных — есть и была Ока, Вот и в документах ведомств, не склонных к преувеличениям, и, в частности, в «Военно-статистическом обозрении Российской империи» (1852 г.) сказано бесстрастно:

«По торговле — Белев занимает второе место в губернии после Губернского города, и принадлежит к числу весьма немногих уездных городов, производящих обширную торговлю».

Обширную свою торговлю он обязан судоходной реке Оке, по которой ежегодно проходит вверх и вниз до 2500 судов разной величины. С Белевской пристани отправляют каждый год до 50 барок, с конопляным маслом и преимущественно с хлебом...

...Главные торговцы пенькою и конопляным маслом: Сорокин (ежегодный оборот которого простирается до 800 000), Сабинины (на 600 000), Сорокины (братья) — на 600 000, и Прохоров (400 000) рублей серебром...

...Между хлебными торговцами замечателен дом братьев Субботиных, который отличается значительностью своих оборотов. Также замечательны оборотом братья Беликовы, Макаровы. Уланов...

...Ярмарка бывает только один раз в год, с 28 августа по 10 сентября; к этому времени привозят простые товары, галантерейные; серебряные и золотые вещи, чай, сахар, сукна, шелк, и пр., всего на миллион рублей серебром.

Сегодня, с высоты нового тысячелетия, можно взирать на факты едва ли не двухсотлетней давности в развитии торговли уездного города — и сдержанно, и вовсе скептически. Однако попробуем взглянуть попристальнее в корень существа дела.

По данным статистики на конец 50-х годов XIX столетия, в Белеве насчитывалось 7946 человек жителей обоого пола. И что примечательно с позиции сопоставимости цифр, — в 1854 году здесь появилось на свет 287 детей, а в мир иной ушло — 189 человек.

И что же, если рассматривать положение дел в этом ключе? — А то именно, что на это «количество душ», так сказать, приходилось, по состоянию на 1855 год, — 1475 человек купеческого сословия, мужского и женского пола. Это семьи купцов II и III гильдии. И не рядовых, говоря современным языком, а широко известных, ворочавших огромными капиталами. К тому же, высокочтимых. Так, в Белеве на тот год было 8 семейств потомственных почетных граждан, а в этих семьях — свыше 50 человек.

Вместе с тем, ориентиров для четкого представления среды, в которой трудились в поте лица своего торговые люди, было бы недостаточно, если бы мы позабыли, ничтоже сумняшеся, о выпуклых приметах общежития обывателей.

На этот час, как говорится, в городе насчитывалось 1299 домов и среди них каменных — всего 156. Действовал кожевенный завод, производящий товара на 70000 рублей серебром, 4 салотопенных и 1 винокуренный.

И вот что, для полной картины условий, в которых происходило приращение капиталов, примечательно: в городе было 8 мощных улиц, а 21 — немощеная. Но зато 2 торговые площади. Много или мало на 29 улиц и 18 переулков, на 8 тысяч, без малого, жителей?

Упоминание в разных статистических отчетах, в том числе издаваемых «...по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба», заслуги купеческого сословия перед Отечеством и Белевом стали возможны, конечно же, в условиях прогнозирования государством внутренней и внешней торговли, в условиях этих якобы автономно развивающихся процессов рынка. Купцы, промышленники, промысловики — все это, так сказать, люди государевы, ибо, по пословице: «Деньга счет любит, а хлеб меру!»

И чего уж далеко ходить за примерами. Указ Сената о торговле к порту С.-Петербургскому от октября 1713 года диктует следующее:

«— ...чтобы купецкие и иные чиновные люди, у кого есть пенька и юфть, к городу Архангельску и на Вологду для торговли не возили, а привозили в С.-Петербург, также которые государевы товары: икру, клей, поташь, щетину... к городу не отпускать, а привозить в С.-Петербург хлеб.

— ...и купецким людям для торгу возить в С.-Петербург и к городу Астраханскому, из которых городов куда способнее, невозбранно».

Не менее интересен в том же аспекте и другой указ, диктующий правила отправ-

ления к порту пеньки и юфти. «Великий государь указал: в Губерниях всем купецким людям подтвердить указами, чтобы оне по-прежнему Его Величества Государя указом пеньку и юфть, которые торговали иноземцы, и задатки взяли отпускать в С.-Петербург на продажу за море, во всем против того, кто, сколько посылал к городу, без умедления нынешним зимним путем, а остальные товары по изволению.

А буде кто, сей Его Величества Государя Указанных товаров пеньки и юфти в С.-Петербург, для продажи за море отпускать не буде, а таким товарам прежь сего отпуска к городу бывали, и оные товары в готовности есть, а про то буде ведано, и за то у таких прослушников имение их все без остатка взято будет на Великого Государя бесповоротно».

В этом контексте любопытны сведения о собственно белевских предпринимателях того времени. В 1872 году «Тульские губернские ведомости» писали следующее:

«Торговля из Белева к Санкт-Петербургу шла и идет непрерывно от самого основания порта Петром I, хотя древние торговые дома, начавшие это дело (Вышневолоцкою системою), по времени перевелись. Еще недавно существовал в Белеве дом Сабинина, предок которого начал торговать к С.-Петербургу. Дома Сорокиных и Прохорова торговали к порту около ста лет. П. А. Прохоров теперь коммерции советник — явление редкое в нестоличном купечестве.

Все это чрезвычайно интересно как поступательное развитие торговли в принципе, и как традиции, — в сущности, в порядке преемственности — особливо».

Разумеется, что-то утрачивается и уходит в историю, что-то, напротив, становится точкой отсчета в продвижении и совершенствовании дела. А в торговле по тем временам правила были строгие требования к качеству товара — достаточно жесткие. В этой плоскости документ от 1723 года по осуществлению торговли пенькой — характерная иллюстрация. И соответственно, предписание, что: «...во время мытья и мочения пеньки смотрели накрепко:

1. Чтoб в уездах концы у пеньки или коренья отрывали или обрезали и кострик выбивали начисто, и на торги в города с линьками и мокрую не возили, и не продавали, и вывозили бы пеньку без лапок.

2. Купечеству запретить, чтобы они от крестьянства мокрой и с кореньями или лапками пеньки не покупали, под штрафом, смотря по важности вины, а котoры купцы в городах чистят пеньку в домах своих, тем чистить начисто и за трепальщиками того смотреть накрепко, дабы кострики и никакого обмана не было...»

Так же естественно в таковой ситуации рассматривать как параллельно идущие к рынку два процесса, производство товаров и их реализация. Белев в этом отношении славился и промыслами, которые теми же купцами всячески поощрялись.

Здесь же свою нишу занимали ремесла. Предания донесли до сегодняшнего дня, что в XVII в. мастера плотничьего дела строили добротные струги емкостью в 30 тысяч пудов, баржи и полубарки, на которых доставляли товары по реке Оке в Москву.

Столь же успешно строили здесь струги, которые использовались в военных целях.

Плотники из белевских мест были востребованы в других городах, и их заказывали в Брянск и даже в Петербург. Указом Петра I от 1 февраля 1705 года был дан наряд губерниям, а те, в свою очередь, уездам, а стало быть, и Белеву, чтобы прислали 40 тысяч разных ремесел знатоков. Конечно же, для строительства Северной столицы. Белевский воевода постарался, откомандировал по указу 700 мастеров.

Весьма любопытен факт, связанный с обстоятельствами правительств Петра I обеспечивать льготные условия для тех из провинции, которые в качестве мастеров пожелали бы остаться жить в Петербурге. «Для размножения населения» таковым желающим поселиться в Северной столице («на вечное поселение») льготы по тем временам были и на самом деле существенные. То есть, прежде всего они освобождались от воинской повинности, освобождались от обязательных налогов, а глав-

ное — получали безвозмездно в собственность дом, а также землю под свою усадьбу и огород — в размере 1 десятины, а кроме того, землю под пашню.

На какую мысль наводит это обстоятельство? А не с этого ли благоприятного указа Петра I стало возможным для белевских предприимчивых людей осваивать порты, отвоевывая на рынках сбыта свое вольготное местечко?

А иначе как так могло произойти-случиться, что белевские кузнецы, мастера изготовления стальных ножей, обошли своей инициативой самих знатных туляков — оружейников и прочих металлостов?

Из поколения и поколение передавалась молва о великолепных, не знавших аналогов в округе ножах мастера из Белева — Вязмитина. Мастер-легенда. Якобы он знал секрет закалки стали, да такой, редчайшей, что его изготовления нож перерубал, если лезвие сделать достаточно длинным, ствол ружейный... Диво дивное, да и только. Как сказали бы ныне, ножи Вязмитина — нарасхват!

И якобы дошла слава та и до слуха Петра-царя, и возжелал он заполучить таковых ножей множество — до 300 тысяч. И заготовлено было на то письмо от 19 марта 1705 года, в коем он поручал одному из сподвижников своих, некоему Курбатову, заручиться у мастеров обязательством изготовить это количество знаменитых ножей. На что Курбатов отвечал с огорчением, что изготовить таковых ножей возможно только 150 тысяч и что он самолично дал задание другим городам совместно с Белевом изготавливать такие лезвия: «сколько сделать возможно».

Свое место в общем объеме промышленного производства в небольшом уездном городе заняла суконная фабрика надворного советника Павлова, оборудованная 1 станком для чесания шерсти, с приводом лошадьми, и пятью прядильными машинами с ручным приводом, на которой работали 40 человек. В год здесь производилось 13 тысяч аршин белого сукна.

Кожевенный завод купца Семина выдавал подошвенной кожи па несколько тысяч рублей в год. В 1888 году крупный купец-промышленник Ш. К. Прохоров открыл в Белеве производство так называемой огневой ушки плодов и овощей. Однако едва ли не всемирную славу, во всяком случае, широко известно было об этом производстве в Европе,— принесло ему производство пастилы, вырабатываемой по уникальным рецептам из антоновских яблок. В течение летне-осеннего сезона в цеху заводчика Прохорова производилось до 700 пудов пастилы.

Купцы всемерно, беспрецедентно поощряли производство кружев. Белевское кружево принесло городу славу, известность от Москвы, Петербурга до Праги и Парижа, Риги и Лондона. В 1880 году, кстати, и городе насчитывалось до 2 тысяч кружевниц. Искусство кружевниц было отмечено медалью на Лондонской выставке, и вот как это по документам и переписке происходило.

Итак, в Лондоне готовились к открытию выставки изделий мастеров всевозможных промыслов, и вот, соответственно, включаются в список предполагаемых конкурсантов и претенденты из Белева. Для международной выставки «избранных произведений» готовят образцы белевского кружева, имевшего свои характерные особенности.

Дело в том, что кружевоплетение получило в Белеве к действию и к повсеместному увлечению импульс из Крестовоздвиженского женского монастыря, открытого еще в первой половине XVII века. Насельницы девичьего монастыря были подлинно искусными мастерицами, талантливы уж тем, что умели вносить в тонкий узор определенное настроение чуткой к прекрасному души, одухотворяли элементарный рисунок, и он оживал в руках как произведение искусства — самобытного, неповторимого, в нюансах искренних чувств девушки — «Христовой невесты».

Белевский уездный исправник в письме за № 707 писал в июне 1884 года секретарю Тульского губернского статистического комитета: «Вследствие отношения от 21 числа минувшего месяца за № 48 имею честь препроводить при сем к Вам образ-

цы кружевных и других изделий, которые производят Белевские кружевницы, а равно счет вещам».

А вот как шла переписка и каким образом оформлялись соответствующие документы на поступление кружевных изделий от поставщика к исправнику города Белева, затем в Тулу и обратно. «Белевскому уездному исправнику. Присланные образцы кружев и других изделий, представленных мещанкою Рыбаковой (в оригинале недостаточно разборчиво.— *Авт. В. Я. Г.*), и счет на оные изделия мною получены. О чем честь имею уведомить Вас, Милостивый Государь, и присовокупить при этом, что деньги будут высланы на получение оных от Общества для развития прикладных художеств в России».

В списке, возвращенном исправнику белевскому, перечислен ряд изделий, в том числе:

— 2 салфетки стоимостью 15 рублей, косынка — 8руб, блузка — 1 рубль 30 коп., шарф — 6 рублей, платочек — 1 руб. 20 коп.

По прошествии определенного времени русское техническое общество направляет письмо в Тулу, в котором излагается в лаконичной и уважительной форме признательность за участие в международной выставке и препровождается своеобразный приз — награда. «В Тульский губернский статистический Комитет. Императорское Русское Общество имеет честь предводить высланное на имя Комитета Комиссарии Королевы Великобритании медаль за содействие Лондонской международной выставке, избранных произведений 1874 г. доставлением образцов белевских кружевных изделий.

Что же касается до самих кружев, принадлежащих белевскому купцу Ивану Тинькову, то они будут высланы ему прямо в г. Белев...» Это письмо подписал «Товарищ председатель Императорского русского технического Общества».

Более того, извещается об этом и сам купец Иван Иванович Тиньков в адресованном лично ему письме: «Милостивый государь, Иван Иванович! Императорское русское техническое Общество отношением от 21 авг. сего года за № 562 уведомляет Тульский Губернский статистический Комитет, что принадлежащие Вам образцы белевских кружевных изделий (бывшие в Лондоне на международной выставке) будут высланы Вам прямо в Белев тотчас по разборке всего, весьма значительного количества кружевных изделий, которые остались за неявкою главных экспонатов, или возвращена будет их стоимость — 20 руб. 25 коп.»

Но был еще один промысел, освоенный белевичами буквально — классически, так что им занимались здесь от поколения к поколению — это маркитантство. Следует признать, что на достаточно обширном пространстве в Верховье реки Оки это занятие было опробовано в той или иной степени в уездных городах, но с таким рвением и с такими тончайшими особенностями — только в Белеве, и только в Белеве он получил долговременное развитие, стал приметой эпохи.

О маркитантстве в Белеве писали многие корреспонденты губернских газет и других изданий, по наиболее исчерпывающе осветил сущность промысла И. Мартынов, белевич по происхождению.

«Так как маркитантство есть основной промысел здешних жителей,— писал он в материалах, опубликованных в 1855 году,— и можно сказать, единственное средство настоящего существования большей части из них, то нелишне будет сказать и об этом предмете.

Промысел этот, так заманчивый для белевцев, не всегда приносит одинаковые выгоды: в настоящее время маркитантство в крепостях и при отрядах доставляет здешним жителям только кусок насущного хлеба и редкому — состояние. Не то были памятные по событиям 1812—1815 годы. Почти каждый из тогдашних маркитантов, побывав на чужой стороне, привез порядочный запас денег и, не очень вдаваясь в

рассуждение о будущем, прожил в свое удовольствие. Даже большая часть домов в городе обязаны своею постройкою этим годам.

С каким удовольствием старые маркитанты Белева, находящиеся уже на покое, и заменившие себя, где следует, или детьми или внуками, вспоминают теперь о своих делах того времени!

Бывало, маркитант, улучив время побывать дома, щедрою рукою сорит деньгами: есть верная надежда опять разжиться с избытком.

Выедет, бывало, зимою, на катанье, он изумляет порядком и довольством: одетый в хорошенький тулуп, с бобрового шапкою на голове, опоясанный заграничным поясом,— он есть чистый тип русского купца прошлого времени. На жене его, покрытой, сверх кокошника или повязки, тяжелою жемчужного рефетью, надета штофная шуба с богатым воротником; лошадка у него молодая и сытая, а об упряжи и говорить нечего.

Заглянули ли бы, в то время, кто на домашний быт приезжего, и тут увидали бы, что живется в удовольствие и открыто: с утра до вечера ворота дома не запирались. Здесь толпились не только родные, но и чужие, и всякий, кому только желалось проведать гостя, попробовать его хлеба-соли, поговорить о военных событиях того времени, а вместе с тем узнать и о своих родных, тоже отлучившихся.

Шумная жизнь тогда лишь сменялась каким-то тихим безлюдьем, когда приезжий опять отправлялся в армию. ...По Большой Калужской улице, месте теперешнего публичного катанья (жалкого остатка прошлого),— можно было видеть прежде, в зимнее время, около 400 экипажей зажиточных белевцев, находивших в катанье немалое удовольствие. На этом основании какой-то остряк того времени даже придумал поговорку, что «жена полная, лошадь толстая, хомут красный, и кнут длинный» есть вывеска здешнего маркитанта».

УСТРОЕНИЕ! — ВСЕ С НУЛЯ?!

В сущности, мы подошли к уровню горизонта в пластах раскрытия темы, когда следовало бы дать исчерпывающее представление о самом значении слова — «Епархия».

Как и следовало ожидать, собственно «Библейская энциклопедия» никак не поясняет значение этого слова и не оговаривает в комментариях («Библейская энциклопедия»; «ГЕРРА». Москва. 1991 г.) «Полный церковно-славянский словарь» (Протоирей Г. Дьяченко. Издательский отдел Московского патриархата. Москва. 1993 г.) толкует чрезвычайно лаконично: «Епархия — область, уезд, подчиненный главному городу. 2. Область, подведомственная в духовном отношении епископу».

Более пространно изъясняет в популярной форме «Малый энциклопедический словарь» — Брокгауз, Ефрон. С-Пб. 1890) «Епархия — (*греч.*) — единица церковно-административного областного деления России, совпадающая ныне с губерниями и областями и подведомственная епархиальному архиерею».

В свою очередь,— поясняется «Словарем»: — Епархиальный архиерей назначается высоч. властью по избранию Св. Синода; при нем викарий, духовная консистория, благочинные, епархиальные попечительства о бедных духовного звания».

Таким образом, преосвященному Мефодию надо было именно зачинать церковно-административное учреждение, а по сути дела, очень сложное и весьма разветвленное хозяйство в прямом смысле этого слова — с нуля, а образно говоря,— «засучив рукава!».

Ему достало и природной сметки, и природной распорядительности, и столь нужной предприимчивости на то, чтобы и в безденежье произвести конструктивный поворот в обустройстве района г. Тулы, предназначенного для размещения зданий, сооружений и строений епархии, а также консистории.

А поначалу владыка столкнулся с невероятными трудностями, однако не впал в отчаяние, сконцентрировал свое внимание на генеральных делах фундаментального устройства новосозданной епархии.

Какие это трудности?! Избегая детальных перечислений, позволим лишь кратко изложить суть дела, опираясь на данные, изложенные в «Тульских Епархиальных ведомостях». Так, как явствует из соответствующего описания обстоятельств, поместившись в доме настоятеля Предтеченского монастыря, преосвященный обнаружил острую необходимость построить как для себя, так и для консистории и семинарии новые здания. Но средств на это не было предусмотрено. Возникла критическая ситуация. Доходило до таких крайних мер, когда владыка испросил у Св. Синода дозволения продать бывший загородный дом архиерея в Коломне, а вырученные таким образом деньги употребить на постройку архиерейского дома в Туле. Разумеется, на такие меры св. Синод не пошел. Не удовлетворил он и желание преосвященного, который просил, было, распустить временно учеников семинарии в Туле сроком на два года, чтобы таким образом покрыть издержки на устройство семинарии... Синод решительно отверг таковое предложение.

Наконец, преосвященный Мефодий просил дозволения взять, взаимобразно, остаточную сумму, имевшуюся у состоятельных, Воздвиженской и Петропавловской, церквей — (они предлагали сумму добровольно) — но и из этого ничего не получилось. Св. Синод, отклонив это предложение, отпустил средства на самые-самые необходимые расходы. Естественно, строго ограниченной суммы оказалось явно недостаточно, чтобы благоустроить постройки.

Преосвященный, стесненный в средствах для обустройства епархии, семинарии и консистории, обратился за помощью к пастве, и некоторая сумма денег была собрана. На эти средства были выстроены: сараи и флигель, затем и каменный двухэтажный дом для архиерея. Одновременно были испрошены им же деньги у государственного казначейства; наконец-то занялись строительством и еще одного двухэтажного дома, где позднее разместилась консистория.

То есть, при его озабоченности и завидной деятельности, все-таки выход из тревожного положения был найден, все образовалось и сложилось,— но — какой ценой... душевных затрат?!

Вместе с тем, еще одной «статьей» его расходов личного пользования стала забота о епархиальной библиотеке: тратил он деньги на все лучшее, выходившее в свет из издательств, и библиотека пополнялась,— за свой счет он приобретал редчайшие книги и инструменты, необходимые при изучении естественных наук.

Но если в элементарном обустройстве, образно говоря, в месте городского бытования, возникло столько трудностей, вплоть до курьезных в их непредсказуемости, то можно себе представить, на какую почву упали семена новообразования... Казалось бы!.. Ан нет! — как раз все напротив того, почва оказалась благодатной.

Господь Бог не оставил своим вниманием ни Тулу, ни ее предместья, ни уездные города, прираставшие от столетия к столетию, ни победоносного Поля Куликова, осиянной святостью Подвига объединившегося народа. И милостью своею не оставил Господь Тульский край, который в согласии с ходом истории последовательно,— от княжества до уездов,— преобразовывался как губерния.

Но вот что примечательно и характерно. И река Ока, опоясавшая более трети Тульщины, и Дон с его воинственными обитателями и угрозыливыми шляхами — это исторически предопределенный опорный край державы.

Тула, благословенная в трудах, несломимая в оборонительной брани с любым супостатом, пресветлая со своими родничками святости, изначально заявила о себе как о центре обетования коренных здесь племен и народов... Как укреп культуры многоликой. Как форпост!

Счастливо, по божьему обетованию, сложилось таким образом, что здесь, в живописном верховье реки Оки, просиял образ преподобного Макария Жабынского Белевского чудотворца, и ныне мощи его покоятся в обережении монашеской братии на святом месте, — в Белевской Свято-Введенской Жабынской Макарьевской пустыни.

Но, пожалуй, главным накопителем целительного духа, хранителем тайн тульской древности, тульской изначальности — остается Дедославль. Наверное, правы описатели тульских древностей, заявившие без всяких оговорок, что «...Дедославль был довольно важным городом для вятичей, может быть, даже их столицей, если в период феодальной войны Давыдовичи (союзники великого князя Киевского Изяслава Мстиславича) создали здесь вятичей на «вече».

Таким образом, здесь, в бассейне знаковых для Отечества рек, таких, как Ока, Дон с их притоками: Непрядвой, Упой, решалась судьба не только Московской государственности, а именно на Поле Куликовом, но и будущее «Матери городов русских» — Киева, его престола великокняжеского.

Впрочем, Дикое поле — это историческое название территории между Доном, в верховье Оки, и левыми притоками Десны и Днепра, отделявшей Русское государство от Крымского ханства.

Однако, русич той эпохи, произнося это словосочетание, вкладывал не только административно-географический смысл в название враждебной ему территории. То было для него средоточие зла. Там накапливалось и таилось, выжидая удобный момент, все злополучное и злоугодное, чтобы, выбрав удобный час, сходу, то есть, буквально на рысях, преодолев расстояние набега, обрушиться всеми разрушительными силами. Фактор внезапности был у налетчиков преобладающей, если не главной, силой. Условно исключив из черного перечня — списка недругов России, угрожавших с западной стороны границ, — можем, обратясь лицом к Дикому полю, представить и ощутить до телесной осязаемости, что приходилось испытывать тулякам тех годин в повседневной обыденности. Каково было жить в нечеловеческом напряжении, под страхом гнетущей угрозы: дикое не ведало понятия об общепризнанных законах права, дикое не признавало статуса неприкосновенности, и уж тем более, не воспринимало Кодекса чести, заповеди милосердия.

«Дикое Поле!» — произнес вслух современник, гражданин XXI века, находящийся на удалении от средневековья в 600—800 лет, и сейчас же в лицо ему дохнуло грозой угрозы; и тотчас кровь по жилам молодца заструилась резвее, и в грудную клетку бухнуло сердце воинственно: «Вставайте, люди добрые!..» — так перекликалось поколениям Земли русской во времени и пространстве в минуту опасности, и это закрепилось в генетической памяти.

Но если жив человек, даже удалившись в лесные дебри, чтобы уберечь семью, — в безопасном медвежьем где-нибудь углу, — значит, засветилась лампада, вспылал светец в святом уголке, и возносит русич-туляк оберегавшую все живое молитву небесным покровителям: непокоренный, несломимый и несломленный!

Так вот и обретался наш предшественник, обарывая недругов, преодолевал невзгоды и лихолетья, строил с Божией помощью и продолжал род свой с верою в Господа. Наслаждался тем, что Бог послал, не требуя награды, оберегал и отчий «Берег», — левый берег реки Оки, то есть, естественном защитном рубеже на южных границах Русского государства в приснопамятных годах пятнадцатого и шестнадцатого столетий.

Так складывался образ обитания, так слагалась историческая летопись, так, пройдя этапами зачатия и рождения, обетованного обретения Отчизны, создавалась его нерасторжимая и непостижимая праздным умом — духовно-культурная общность,

Никоим образом не агрессор, тем более не завоеватель, и уж вовсе не колонизатор, туляк между тем, памятуя о «Береге», за рубежом которого простиралось Дикое

Поле, воздвигал на всякий случай укрепы, постепенно, год от года превращаемые в твердыни и форпосты — вдоль границ Русского государства.

Таким образом, туляк и «свершиша город на Туле камень. Крепкий. На прочной подошве. Толщина стен для вящей надежности пред супостатом и прочими лиходеями — около 3-х метров, высота — от 10-и до 12 метров. Но и это не все в твердыне: «на 4 метра в высоту от основания стены сооружены — из тесаного камня».

Стало быть, когда-то туляки хватили лиха в неустроенных крепостенках, значит, умылись собственной кровью понапрасну, и вот — тесаным камнем вглубь фундамента ушли, возводя укреп супротив супостата.

А как иначе, если отмечено в летописных источниках, что окончательно был построен кремль Тульский в 1514 году?!

А вкупе с устроением укрепов, возводится к началу XVII века в Туле и первый приходской храм,— сначала из дерева, с одним приделом во имя вмч. Дмитрия Солунского, затем — внушительный, каменный храм во имя Воздвижения Креста Господня.

Примечательно, что приход храма состоял в основном из посадских людей. Уместно напомнить, что Предтечев монастырь как тульская мужская обитель, построен в 1552 году. Построен наряду с людом мастеровым, в качестве создателей еще и известными зодчими, под руководством тульского наместника князя Г. И. Темкина-Ростовского; также — именитыми и простыми жителями города: в благодарность Господу за победу над войсками крымчаков хана Девлет-Гирея.

Прелюбопытно, что победа одержана в Судьбищенском сражении... Вслушайтесь! — ведь само название сражения несет в себе заряд предзнаменования, несет знак предопределения. И это также непостижимо, если вести речь в контексте национально-языковых особенностей каждого русского края.

Не исключено, что Божьим промыслом взаимообогащали друг друга, подобно сообщающимся сосудам, мирское дело и долг пред Отечеством; перемежаясь, в жизни общности взаимопроникали, дополняли хлопоты о хлебе насущном и долг обережения Дома отчего.

Так физически и духовно росла и созревала тульская общность, и перемежались свет и тьма, радость и горечь утрат.

Судьбищенское сражение стало своеобразной точкой отсчета; а Тула стала обрести статус опоры единой державы в конкретных боевых делах, а также в военных стратегических операциях, имевших государственное значение.

Как это происходило?

Набег крымчаков был внезапным и стремительным: изгоном шли войска числом до 60-ти тысяч по Муравскому шляху. Выходили на тульское направление. В местечке, вовсе неприуроченном по такому поводу, а,— (как нередко в подобных сражениях!) — подвернувшемся на путях противоборства двух враждебных сил, а именно под Судьбищами — произошло столкновение. Надо сделать оговорку: в противоборстве участвовали далеко не равные силы. В русском войске воеводы боярина И. В. Шереметьева-Большого насчитывалось менее 13 тысяч воинов.

Поставленный в известность о внезапно напавшем противнике, Иван Грозный, быстро собрав достойную рать, выступил из Москвы к Оке. Наверное, соединение русских ратей в одно достойное войско, скорее всего, сейчас же одержало бы перевес, остановив противника. Однако, внезапность сказалась на скорости сбора — исполчились московиты слишком поздно, и Шереметьеву, как воеводе с отменным даром полководца, ничего не оставалось, как принять бой чрезвычайно малыми силами. Однако он, как полководец, не только сумел остановить врага, но и серьезно противостоять,— более того, устоять и задержать набег.

Дело в том, как повествует нам историк, «узнав о вторжении, Шереметьев послал

гонца к царю, а сам от реки Северский Донец (возле г. Изюма) повернул назад и зашел в тыл к татарам, чтобы перекрыть им дорогу назад». Маневр известный; нередко применялся русичами в подобных ситуациях. О, если бы не запоздал маленько Иван Грозный...

Увы, случилось то, что случилось: у села Судьбищи (ныне это село в Орловской области в Новосильском районе) хан Девлет-Гирей предпринял обходной маневр, тем более, что в тылу было оставлено Девлет-Гиреем до 60 тысяч коней.

Далее события развернулись с потрясающей скоростью: Девлет-Гирей предпринял контрмеры и двинулся на Шереметьева; имея теперь, после оставления при обозе части воинов, без прикрытия с флангов, с семью тысячами ратников против все тех же 60-ти тысяч крымчаков, наш герой принял бой.

Пало в битве до 5 тысяч русских, оставшиеся бились самоотверженно, но из-за малочисленности, на какой-то момент русичи дрогнули. И все же судьба благоволила и в этой критической ситуации: воеводы Басманов и Сидоров восстановили порядки противостояния превосходящим силам крымчаков, а собрав вокруг себя около 2-х тысяч, сражались стойко.

Пришлось прибегнуть к естественной фортификации,— то есть отвести сражающиеся ряды бойцов в овраг, теперь уже у самого села Судьбищи. Надо отдать должное русским воинам,— они снесли сюда же и раненых. Бились до конца, хотя оставалась в строю буквально горстка.

К тому же, сам воевода Шереметьев-Большой был ранен. Но и к сумеркам помощь не подоспела. Зато хан отступился от своей затеи — в каком-то суеверном страхе он отвел свои войска, изрядно потрепанные, в сторону г. Ливны, где располагались его укрепленные улусы.

Где же на тот час находился Иван Грозный? Он приближался к Туле; во всяком случае, именно на тот момент был на пути к Туле. Страшную весть принесли ему гонцы, что, дескать, Шереметьев разбит. Хуже того, разнеслась весть, что будто бы хан Девлет-Гирей направляется к Москве.

Как быть, что предпринять, если даже стойкие из числа верных бояр в стане царя подавали мысль уйти назад? Чтобы поджидать татар там. Где это там? На Оке!

И вот здесь-то как раз и открывается страница Тульской летописи, на которой отображено событие, которое можно было бы назвать,— (если оно находится в согласии с нормированным литературным языком) — Предтеченским в истории самой Тулы и Тульской епархии. Впервые царь, оказавшись в сложной ситуации, предпочел отойти под защиту тульских стен.

Произошло то, что никак нельзя отнести к разряду случайного. По всем доводам, царь должен бы был поспешить к Судьбищам,— (со всеми вытекающими отсюда последствиями!) Однако, казалось бы, военно-тактическим представлениям вопреки, Иван IV избирает путь иной, а именно, отвод всего царского войска в Тулу. А это уже, так сказать, маневр стратегический, когда высший военачальник руководствуется здравым смыслом верховного правителя государства.

Вскоре в Тулу возвратились оставшиеся в живых воины, привезли они и раненых воеводу Шереметьева и Сидорова. Царь принял их с царской милостью, обласкал, также наградил всех сподвижников Шереметьева, которые храбро сражались с врагом, во много раз превосходившим по численности тульское войско Шереметьева-Большого.

Мастеровитый народ тульский, но и воинственного духа; талантливый, в меру прижимистый в житейском, однако — всегда трезвомыслящий, до консерватизма — правда, не переходящего в реакционность... Даже напротив, здравомыслие соседствует с напористой наступательностью в делах прогрессивной умопремены.

Достаточно ценностей, накопленных туляками, для того, чтобы укрепилось на

этом, добротнo освоенном материале, на суровом пространстве, опоясанном двумя могучими реками в их верховье, духовное живоначалие.

Несомненно, что многое в истории причудливо переплелось, достоверное — с легендами, были — с небылицами, с красивым народно-эпическим вымыслом. Однако, доподлинно то, что начало Тульскому оружейному заводу положено Указом Петра I от 15 февраля (ст.ст) 1712 года. То есть, в нашем переложении под углом темы, это произошло за 86 лет до открытия Тульской епархии и спустя почти 400 лет после победоносного сражения на Поле Куликовом.

В этой же плоскости следует рассмотреть и еще одну особенность защиты от неприятеля русского пограничья. Само местоположение Пограничья определило приоритеты из разных видов и форм фортификационных сооружений, причем, с предпочтением в наших условиях и природно-рельефным особенностям местности на Волго-Донском и на Окско-Донском порубежье.

Тульские засеки издревле служили Московскому государству защитой от набегов кочевников Дикой степи, а позднее, и от агрессивных литвинов. Оборонительная линия, не имевшая в ту пору аналогов, то есть, как природная особенность в бассейне реки Оки, тянулась в южной части страны, проходила по территории ныне существующих областей — Тамбовской, Рязанской, Тульской, Калужской.

Восходя боевыми заветами воинской доблести и чести от былинных богатырей, Засечная черта отличалась на рубежах Московского государства довольно строгим уставом несения сторожевой службы. Порубежные заставы Засечной линии несли службу в форме сторожей денно и ночью, и всегда находились на чеку, имея возможности незамедлительно передать сигнал к боевой готовности на большие расстояния, — по сигнальной цепи.

В чем это все вкупе выражалось? Это выражалось, в частности, в том, что сторожа обязана была стоять «на часах» исключительно неподвижно и «с коней не сседае!» А вдоль засек, с внутренней стороны, внутри них, дозором двигались легкие «станции».

Конечно же, Тульские засеки — это составная часть Большой засечной черты Московского государства. Но ведь и сложилась она, в основном и по-преимуществу, из нескольких звеньев: Веневской, Каширской, Белевской, Крапивинской и Одоевской, а также из собственно Тульской. В свою очередь, собственно Тульская включала в себя ряд звеньев, — Коростеневской, Щегловской и, особо, Корницкой засек. Речь, разумеется, не в самодостаточности Тульской оборонительной системы на южной границе в XVI—XVII вв. Речь в самом туляке, как об архетипе, чей характер формировался в условиях постоянной готовности к отражению конных атак со стороны Дикого поля. Вот и предстает он как бы в одном лице: он — и коваль, и зодчий-мастеровой, но и ратоборец по первому зову воинской трубы.

И потому храмы даже, возводимые им, монастыри на окраинах и в стратегическом порубежье, это оплот триединства, твердыня духа; это есть в конечном счете прототип беззаветной верности присяге и знаменосец единоверия.

Не отделяли себя от единародного и духовной общности князья русские, как великие Московские, так и удельные. То есть, в том числе воеводы, как правило. Так, основал в Белеве Спасо-Преображенский монастырь удельный Белевский князь Иван Иванович (2-я четверть XVI в). А вот Анастасов монастырь, во имя Рождества Богородицы, что близ Одоева, основали князь Иван Михайлович Воротынский с женой Анастасией. Жаловал князь монастырю и часть своих земель, помогал деньгами, и был тот монастырь подлинно оплотом духа и воинской доблести на реке Упе, входящей в водораздел стратегического значения.

До десятков набегов за полтора века совершили на тульские земли крымчаки, а именно по Муравскому шляху. Как тут не быть твердыней, чтобы не встать вовремя на защиту христиан от всего поганого из Дикой стороны?

А вот город Богородицк, не столь древний противу Одоева, Белева, да Венева с Каширой и, тем более, с Дедославлем,— основал стольник, и, что примечательно,— он же есть воевода Димитрий Александрович Хомяков (в 1670 г.). Факт на территории центральной России, надо заметить, не частый. Олицетворил все выше упомянутые качества и особенности древний Веневский мужской монастырь, во имя Св. Николая Угодника, который историками, в том числе П. И. Малицким, характеризуется следующим образом. «...Мужская обитель и одновременно крупный оборонный центр Московской Засечной черты, в 33 км к северо-востоку от Туль».

Подводя итоговую черту под кратким обзором путей и характера становления христианского православия, а именно в его конструктивно-предметном воплощении, следует очертить изначальное условие деятельности. Условие это конкретизировано в таком уникальном явлении российской истории, как образование Верховских княжеств. Это пространство можно поименовать более однозначно: анклав! — консолидированные образования из небольших княжеств. Расположены компактно, в схожих обстоятельствах рождения и пребывания в Порубежье.

Спору нет, они (говоря в рамках нашей темы), как бы не уместились в границах одной губернии, но составляют вместе один регион: а в историческом аспекте, эти феодальные княжества образовали некое силовое поле притяжения. Именно притяжение души великоросса!

Судите сами! — в этом созвездии и поныне сияют такие величины государственного устройства, как-то: Новисильское, Воротынское, Одоевское, Белевское, Оболенское, Перемышльское, Мезецкое, Козельское, Карачевское и другие княжества, но уже — в благословенной Чернигово-Северской земле (XII—XV в.).

Видимо, нельзя и Засечную черту отождествлять с чем-то в фортификации незыблемо-неприспособным, однако, как нам это представляется, она универсальна в своем роде. Нельзя не согласиться с тем, что в сравнении с укрепайонами разного характера в Отечестве,— это на самом деле образец военно-полевой, а точнее, стратегической фортификации буквально на природном материале и с принципами рельефных условий, использованных с максимальной эффективностью. Впрочем, и аналогов тому нет, разве что сравнить с оборонным значением горной цепи, например, в Альпах?

Чем руководствовался военный строитель Древней Руси в создании редкостного, прежде всего, какого-то непостижимо естественного по преимуществу, сооружения? Как была выработана концепция Засечной черты, когда в ней универсально сочетаются природно-ландшафтные условия и сама фортификационная конструкция именно с прицельной ориентацией на строгую и своеобразно ячейкообразную сеть сторожевых башен, типа вежи; сторожевых мобильных станиц и отряда лазутчиков? Плюс ко всему,— непрерывная цепь сигнальной службы пограничья.

Как могла зародиться мысль о соединении фундаментально-нового фортификации с использованием эффективного старого, то есть, в форме передвижных станиц и веж? Причем, с максимальным использованием особенностей русла рек, малых речек и ручьев по оврагам и балкам?..

Каким провидением гения самородка далось все это? Иль опытом? Не исключено, что и Божьим промыслом!

По сути дела, на рубеже средневековья, учреждения оборонительной системы Русского государства в виде «Засечных Линий»,— это был революционный прорыв в фортификационном отношении, когда устоялась граница между Лесом и Степью, чрезвычайно враждебными по отношению друг к другу. Но то, говоря образно, был и Зодиакальный свет в умонастроении поселян Средней полосы России, когда обязанности нести сторожевую и оборонную службу возлежали па людях исключительно нового типа, людях, сформировавшихся на рубеже управления Московским великим

княжеством, сперва, Василием Васильевичем, или же Василием II, прозванным Темным, затем и его сыном, Иваном III. Кстати упомянуть, что именно при Иване III обрел свой статус новый титул в названии Великого князя Московского, с поименованием его — «...и всея Руси».

С приходом на великокняжеский престол Ивана III, когда русская православная церковь обрела свою самостоятельность, постепенно стала укладываться в русло относительной стабильности жизнедеятельность в правовом отношении княжеств Верховьев Оки.

Верховские княжества в связи с усилением Литовского княжества, в особенности, при Витовте, занимали некоторое время двойную позицию, служа «на обе стороны». То есть, одновременно они пребывали и в составе Московского княжества, и являлись вассалами Литвы.

Только с усилением позиции Москвы при Иване III на международном уровне, князья православных княжеств стали тяготеть к Москве, как к центру духовности, родовой близости и национальной общности.

Как указывает историк К. В. Базилевич, «...в начале 1497 г. международная политическая обстановка сложилась вполне благоприятно для Москвы». Король Польский был занят устройством венгерских и чешских дел, и не мог, вследствие этого, оказать серьезной помощи Литовской половине своей державы, а тем временем урегулировались отношения с Крымским ханом Менгли-Гиреем. В то же время, Орда так называемых «Ахматовых детей» заметно ослабла и не могла угрожать противодействиями, находясь на рубеже южных русских границ.

В этой обстановке ускорился отход от вассальной зависимости Верховских князей, буквально откалывавшихся от Литвы. Воистину, Ивану III в тот час сделала подарок судьба; князь Семен Иванович Воротынский «со своею вотчиною» перешел к Ивану III.

Впоследствии примеру его последовали князь Михайло Романович Мезецкий и князь Андрей Юрьевич Вяземский. Причем, князь Михаил Романович Мезецкий «силой изымал двух своих братьев» из Литовской зависимости...

Переход Семена Воротынского и Михаила Мезецкого, а также двух братьев его, давал возможность Ивану III занять таким образом значительную часть территории на левом берегу в Верховьях Оки, которая, в свою очередь, составляла свою «отчину» и «дольницу» этих князей.

Присоединенная к Москве территория Верховских князей своеобразно выдавалась клином в юго-западном направлении по отношению к порубежным московским регионам в районе Тулы и Калуги, что представляло естественные возможности значительно укрепить оборону на тактическом участке южной границы. Именно этот участок нередко подвергался набегам крымчаков и других орд Дикого поля.

Теперь граница обозначилась ниже русла реки Угры. Она проходила от пункта нижнего течения Угры в направлении на Людимеск и Мезецк, затем — переходила на Верхнее течение реки Жиздры и, пересекая Оку южнее Белева, вливалась в черту старой границы уже вблизи города Одоева.

Читаешь труды К. В. Базилевича, и невольно ловишь себя на мысли, что, как говорят на Тульщине, «ножками исходил» историк те места, где шла отчаянно упорная борьба за земли Верховских княжеств, абсолютно бескомпромиссная, жесткая, буквально «наперехват», вплоть до агрессивного дележа: без правил и хотя бы какого-то приличного взаимопонимания, какой-то деликатной уступчивости между родственниками одного Дома. Дело в том, что Великий князь Московский Василий Дмитриевич, сын героя Поля Куликова Дмитрия Донского, был женат на дочери Великого князя Витовта. Но, тем не менее, и в условиях родственных уз, противостояние не стихало. Оно вновь и вновь достигало высшей точки кипения страстей по поводу собственности и власти над землями Верховья.

Другой историк, С. М. Соловьев, с присущей ему фундаментальностью доводов, дает более суровое определение происходившему на этом пространстве, ставшем при Иване III полигоном решительных действий.

Вот он излагает непреложные факты: «Что же касается земель присяжных князей Одоевских, Белевских, Воротынских, то здесь границы определить нельзя, потому что, по собственным словам Иоанна III, эти князья служили и его предкам, и предкам Казимира Литовского, на обе стороны, сообща; мы знаем также, что город Одоев, например, разделялся на две половины: одна принадлежала линии князей, зависевших от Москвы, а другая — линии князей, зависевших от Литвы».

По существу Тулы С. М. Соловьев и вовсе однозначен, теряется в догадках, сличая факты принадлежности ее в определенные периоды одному княжеству, и как бы одновременно и другому, в частности, Рязанскому и Московскому — как спорной вотчиной.

«Относительно Тулы новая трудность: «А что место князя Великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице Тайдуле, и кой ее байскацы ведали; в то ся князю Великому Олгу не вступатся и князю Великому Дмитрию».

«Тула,— поясняет С. М. Соловьев,— называется местом Великого князя Дмитрия на Рязанской стороне, он от нее отступается — это понятно, но в то же время отступается от нее и Великий князь Олег! В чью же пользу? Можно было бы предположить ошибку в договоре Донского и, основываясь на позднейших договорах рязанских князей Василия и Юрия Дмитриевичей принимать, что Великие князья Московские отступились от Тулы в пользу великих князей рязанских, ибо в этих позднейших договорах московские князья обязываются не вступать в Тулу, но здесь опять затрудняет дело договор рязанского князя Ивана Федоровича с Витовтом, где встречается и следующее условие: «Великому князю Витовту в вотчину мою не вступатися Ивана Федоровича, в землю и воду, поколе рубеж Рязанские земли Переяславские моей вотчины вынемши Тулу, Берестей, Ретань с пашни, Дорожен, Заколотен Гордевской» (Из актов эксп. I, № 25).

В такой чрезвычайно запутанной относительно собственности обстановке, каково же было утверждаться христианским добродетелям? Весь беспощадно громоздкий и непосильно тяжкий груз ответственности в делах поиска правды, ложился на плечи духовенства, и, прежде всего — архипастыря.

Вот как, к примеру, увещевает митрополит Иона своих духовных чад именно княжеского сословия.

«Дети! Била мне челом на вас мать ваша, а моя дочь жалуется на вас, что вы поотнимали у нее волости, которые отец ваш дал ей в опричнину, чтобы было ей чем прожить, а вам дал особые уделы. И это вы, дети, делаете богопротивное дело, на свою душу погибель, и здесь, и в будущем веке... Благословляю вас, чтобы вы своей матери челом побили, прощения у нее выпросили, честь бы ей обычную воздали, слушались бы ее во всем, а не обижали, пусть она ведает свое, а вы свое, по благословиению отцовскому. Отпишите к нам, как вы с своею матерью управитесь: и мы за вас будем бога молить по своему святительскому долгу, и по вашему чистому покаянию. Если же станете опять гневить и оскорблять свою мать, то, делать нечего, пошлю за своим сыном, за вашим Владыкою и за другими многими священниками да, взглянувши вместе с ними в божественные правила, поговорив и рассудив, возложим на вас духовную тягость церковную, свое и прочих священников неблагословение».

Кстати заметить, что митрополит Иона явился своего рода родоначальником, когда с него начался отсчет нового времени в российском святительстве. В этой связи, С. М. Соловьев проясняет ситуацию, сложившуюся в Московском княжестве, следующим образом. «Московские смуты долго мешали назначению нового митрополита: — (имеется в виду, что после отказа ставленника Константинополя Исидору на

поставление в митрополиты; наконец был избран рязанский епископ Иона I митрополит, не только русский, но и рождением и происхождением из Северной Руси, именно из Солигалицкой области».

То есть, это показательный момент в истории преобразований, совершавшихся во Владимире, и последовательно в Москве.

В том же контексте следует напомнить, как отнеслась общественность государства Российского к доставлению именно русского, из подлинно и по рождению русских, в митрополиты; тем более, с поименованием Москвы — (впервые в ее истории?) — как града престольного.

«Таково было,— пишет С. М. Соловьев,— главное явление истории русской церковной иерархии в описываемое время. Мысль, естественно явившаяся впервые тогда, когда Андрей Боголюбский задумал дать Северной Руси отдельное самостоятельное существование, и даже господство над Южной Русью,— эта мысль осуществилась, когда обе половины Руси разделились под две равно могущественные и враждебные одна другой династии: вследствие этого разделения разделилась и митрополия, причем посредствующими явлениями опять, вследствие явлений политических, было образование отдельной Галицкой митрополии и перенесение Киевского митрополичьего стола на Север.

Это перенесение, «бедствие Византии, смуты, Флорентийский собор наконец, падение империи, высвободили Московскую митрополию из непосредственной зависимости от константинопольского патриархата...»

Любопытно суждение историка С. М. Соловьева о причинах и следствиях акта и перенесения митрополии в Москву из Киева, и мотивы поведений русских митрополитов. Он пишет: «Пребывание в Киеве, среди князей слабых, в отдалении от сильнейших, от главных политических сцен действия, всего лучшего могло бы дать им такое существование; но Киев не становится русским Римом: митрополиты покидают его и стремятся на Север, под покров могущества гражданского и на Севере недолго остаются во Владимире, который, будучи покинут сильнейшими князьями, мог бы иметь для митрополитов значение Киева, но переселяются в стольный город одного из сильнейших князей и всеми силами стараются помочь этому князю одолеть противников, утвердить единовластие».

Итак, определение сделано. «Утвердить единовластие!» — вот, думается, вектор духовной энергии и митрополии, и ее составляющих частей.

Но были и прозападные настроения на окраинах складывающегося государства в равной степени и за ее пределами, на довольно обширном пространстве; также были как и некоторые колеблющиеся, в центре. Однако общее настроение неуклонно восходило к идее единой державы, и поэтому одерживали верх в противостоянии центростремительные силы.

Философию строения, вытекающую из очень простой формулы — «...яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти...», овладела умами людей страны, считавшимися первыми лицами государства, сплачивала единомышленников, увлекала в свою орбиту колеблющихся и неустойчивых, одушевляла на действия решительные, и даже дерзкие — и самих князей, и их большие и малые дружины — Русь.

